

A woman with long, flowing red hair and blue eyes stands in a forest. She is wearing a light green, long-sleeved, button-up tunic with a dark belt. The background is a dense forest with tall trees and dappled sunlight.

Наталия Полянская
Екатерина Глубокова

ИГРА ОТРАЖЕНИЙ

Екатерина Глубокова

Игра отражений

«Автор»

2021

Екатерина Глубокова

Игра отражений / Екатерина Глубокова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-043-56946-2

Датчане, когда-то пришедшие на английские земли, прижились там и не желают иной судьбы. Но судьба сама находит их - и вот брат и сестра, близнецы Роалль и Рангхиль, вынуждены придумать хитроумный план. Им нужно сохранить свои земли, а для этого придется отправиться в дальнее путешествие, где может случиться что угодно. И любовь вдруг возникнет там, где, казалось, ее не было вовсе...

ISBN 978-5-043-56946-2

© Екатерина Глубокова, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталия Полянская, Екатерина Глубокова

Игра отражений

Англия, 1055 год

Глава 1

Лето выдалось на диво теплым с самого начала. Рано зацвели яблони, пчелы вились вокруг укутанных белой пеной лепестков, жужжали не рассерженно, но трудолюбиво; ковром ромашек покрылись поля вокруг замка, а в речушке, трепеща крыльями и отчаянно охая, утка обучала плавать выводок пушистых серых комочков. На лесном озере поселились лебеди; эту гордую, великолепную пару Рангхиль видела, когда отправлялась в долгие прогулки. За прогулки, кстати, ей вечно доставалось от брата.

– Ты снова бродила где-то целый день, – попрекал ее Роалль, когда она возвращалась в сумерках, и подол платья был предательски намокшим от росы. – Вокруг полно отребья. Неужто ты хочешь стать жертвой разбойников или любого мерзавца, что захочет покуситься на жизнь беспомощной женщины?

– Не так уж я беспомощна, – улыбалась Рангхиль, выбирая сосновые иголки из густых светлых волос, которые она больше всего любила носить распущенными, ниспадающими ниже талии серебряным водопадом.

– Да, милая сестра, я-то знаю об этом, но и мужчина не справится с десятком озверевших противников, коли он не великий воин. А у тебя и оружия нет, только нож, и еще ты в платье.

– Мне это не помеха.

Нож с костяной рукояткой Рангхиль всегда носила на поясе. Такой же покоился в ножнах, что Роалль ни разу не оставил нигде и не забыл. Рукоять с вырезанными на ней рунами защиты и силы и с бегущим волком – это был подарок отца, одинаковый для обоих близнецов, на их десятый день рождения. И еще десять лет прошло с тех пор, а лезвие, выкованное превосходным кузнецом, не сточилось, не сломалось и не заржавело. С таким ножом можно выходить на противника – если, конечно, умеешь сражаться. Рангхиль умела.

Траур по отцу закончился еще в апреле, когда сырые северные ветра сменились легким морским бризом, не слишком частым гостем на просторах Нортумбрии. Здесь, неподалеку от Йорвика¹, привыкли к иной погоде: хмурым тучам, низко несущимся над землей, и дождю, и прохладе. Чем дальше к северу Англии, тем хуже, утверждал Хальдор – помощник брата в ратных делах и второй командир после него. Дальше начинаются горы, поднимающиеся острыми пиками к сумрачному небу, пасут овец племена, до сих пор не утратившие первозданной дикости, и раздаются душераздирающие песни таких инструментов, что здесь сроду не звучали бы.

Рангхиль оставалось верить Хальдору на слово: сама она никогда не покидала окрестностей родного дома. Вся ее жизнь прошла здесь, на пологих холмах и равнинах, среди лесов, узких рек и птичьего щебетанья. А также среди саксонских и данских крестьян, воплей волков, хохота пьяных воинов в длинном зале, звона железа в кузнице и тихого потрескивания свечей, когда шьешь долго, и глаза слипаются.

Остальной мир был словно затянут туманной дымкой: Англия с ее королевскими проблемами, венценосным святым² и дележом земель и власти почти не касалась Рангхиль. Вплоть до прошлого года, когда умер ее и Роалля отец, могучий Олаф Миккельсен, и горе, затопившее сердца, со временем сменилось тревогой.

– Налей-ка еще, – Роалль подставил служанке кубок, чтобы та вновь наполнила его сладким прошлогодним элем, и повернулся к сестре. – Значит, припасов немного?

– Ты же помнишь, каким было прошлое лето, – поморщилась Рангхиль. – Природа словно плакала по отцу. Пшеницу побил градом, и мы смогли собрать лишь три четверти того, что

---

¹ Старинное название города Йорка до нормандского завоевания – *Прим. автора.*

² Имеется в виду правивший в то время, весьма набожный король Эдуард Исповедник – *Прим. автора.*

обычно. И это было удачей. Перед самой посевной нам пришлось начать раздавать зерно из амбаров замка, зерно, предназначенное на семена.

– Но скотину градом не побил? – вздохнул Роалль. Вообще-то, хозяйка замка отвечала только за порядок в замке и работу хозяйственных служб, а все вопросы с крестьянами должен был решать хозяин, но Роалль больше склонен был к ратному делу, как и их отец Олаф. Поэтому Рангхиль с радостью и удовлетворением взяла на себя заботу о благополучии имения, советуясь с братом лишь при принятии самых ответственных решений, от которых зависела жизнь многих. Замком же и всеми его службами Ранди занималась с тех пор, как научилась считать и читать, то есть, лет с десяти. Олаф Миккельсен вдовствовал давно, так что дому к тому времени отчаянно требовалась хозяйка.

– Скотине тоже нужно что-то есть. А когда луга затапливает... – напомнила Ранди брату.

– Я понял тебя, – кивнул Роалль, задумавшись. – Однако этот год обещает быть урожайным.

– О да. Хотя я не стала бы испытывать терпение судьбы, считая наш урожай заранее. Если все будет хорошо, и мы продадим скот... – Рангхиль с превеликим удовольствием рассказала бы брату все и в подробностях, но Роалль привык во всех этих делах полагаться на сестру. Сам он предпочитал заниматься укреплением защитных сооружений замка и тренировать дружину, с определенной долей справедливости полагая, что процветание имения зависит не только от успехов в сельском хозяйстве и торговле, но и от способности защитить нажитое трудами.

В длинном зале ужинали. Собственно, это был обед, плавно перешедший в вечернюю трапезу; воины могли сидеть за столом часами и предаваться воспоминаниям, рассказывать истории, похвалиться подвигами и заниматься всеми остальными, приличествующими настоящим мужчинам, вещами. Иногда Рангхиль это веселило, иногда раздражало. Когда приезжали гости, она могла, как велели традиции, обносить их вином и элем, но обычно сидела во главе стола, по правую руку от брата. Роалль был хозяином дома, и если бы Рангхиль родилась мужчиной, то восседала бы сейчас рядом с ним, разделив священное право именоваться хозяином. Или, если бы у их матери родилось два мальчика, наследником и главой рода считался бы тот, что первым появился на свет? Так-то первая – Рангхиль... Она снова взглянула на лицо брата, так похожее на ее собственное, только немного грубее. Так говорила Альва. Приходилось верить служанке: рассмотреть себя четко в медных зеркалах и обманчивых речных отражениях никак не получалось.

Роалль. Самый близкий человек, который всегда был у Рангхиль, сколько она себя помнила. Они с первого дня были неразлучны – с того самого дня, давшего им жизнь и отобравшего ее у их матери. Альва рассказывала, что Олаф горевал безмерно, потеряв любимую супругу. Но это не отвратило его от детей, наоборот: он воспитывал их всегда вдвоем, почти не делая между ними различий. И в свои двадцать лет Рангхиль немного снисходительно относилась к бледным и нежным саксонским девам. У данов обычаи были заведены по-другому: родовитая женщина, если того пожелает, может владеть оружием и даже состязаться с мужчинами. Весьма полезные умения в беспокойные времена.

Впрочем, времена никогда не бывали спокойными.

Служанка наклонилась над Рангхиль, словно спрашивая, налить ли и ей эля, но девушка покачала головой. Не хотелось туманить разум даже глотком слабого прошлогоднего напитка.

– Значит, нам снова хватит уплатить налоги, – сказал Роалль и кинул пару костей вертевшимся у стола собакам. Тут же завязалась веселая потасовка, с визгом и погоней. Псы были не голодны, однако, борьба за кость у них в крови. Как и у людей... – Это хорошо. Я не знаю, почему мы отдаем столько денег королю, которого даже не видим, но...

Собаки, громадные породистые псы, способные в одиночку свалить оленя или парой выйти на кабана, волка или медведя, разобрались, кто из них достоин кости, и улеглись у ног

хозяина. Собаки – вот еще одно занятие Роалля. Псы Миккельсенов славились в округе, всех щенков быстро разбирали и платили хорошую цену.

– Не стоит вести подобные разговоры, – прервала брата Рангхиль. – Если Хальдор говорит, что при дворе снова зреет смута, стоит подумать, как мы поведем себя. Мы всегда поддерживали короля, а в тяжелый час это еще важнее.

Хальдор с небольшим отрядом вернулся из Лондона буквально утром: он отвозил те средства, что причитались с плуглендов³ за миновавшие месяцы, в казну. Миккельсены не доверяли сборщикам налогов, предпочитая доставлять королевские деньги сами. А то кто знает, сколько звонких монет по дороге оседет в карманах хитрых саксов!

Саксы вообще были... назойливы. Конечно, они пришли на эти земли раньше, разогнав предыдущих обитателей; но как бритты склонились под их властью, так теперь настало время саксам подчиниться датчанам. Или это время уже прошло? Здесь, в Данелаге⁴, этого совсем не чувствовалось. Однако мир больше, чем Данелаг.

К сожалению.

– Что еще говорят в столице? – спросила Рангхиль. Она была занята, когда Хальдор возвратился, и потому не слышала его рассказа. Сейчас ей не хотелось отлучать бравого вояку от его соскучившейся супруги, новости мог пересказать и Роалль.

Брат, однако, медлил. Он взял с блюда кусок мяса и снова бросил собакам – те, не ожидавшие подобного подношения, вцепились в еду, урча и рыча.

– Роалль?..

– М-да. Хальдор привез кое-какие вести, касающиеся нас с тобой, – осторожно начал он.

– И что же это? – Чем играть с воображением, Рангхиль предпочитала узнать сразу. Судя по тону Роалля и по тому, что он не начал с этих новостей – они неприятные.

– Видишь ли, Кенельм Олдхам снова подал прошение его величеству, чтобы ему вернули причитающиеся земли. Оставив нам тот клочок, на котором стоит крепость и наделы у леса. На замок и наделы данов он претендовать не рискнул.

– В следующий раз рискнет, – поморщилась Рангхиль.

Так она и знала, что это дело не останется в прошлом. Саксы назойливы – она ведь об этом уже думала сегодня? Вернуть земли, которые вот уже много лет тебе не принадлежат, – вернуть не силой, так хитростью. Что может пообещать королю Олдхам, если не солидную долю? Здесь нет солидной доли, владения Миккельсенов не так уж и велики...

Когда король Кнуд Великий снова вернул датчанам английские земли, на время уплывшие из рук, сражавшийся в рядах его войска Олаф Миккельсен получил земельный надел с несколькими деревнями и право передавать его по наследству. Сейчас хозяином земли сделался Роалль. Однако до того, как достаться Миккельсенам, эти холмы и плодородные равнины бесхозными не были. Они принадлежали саксам – семье Олдхамов, которых милостиво не выгнали совсем, только оставили им во владение значительно меньше земель. А могли бы и вовсе перебить... Однако Кнуд полагал, что уничтожить все население Англии, если оно в чем-то с ним несогласно, – самая настоящая глупость. Потому саксов постарались сделать лояльными, не слишком притесняя и давая возможность накопить утраченные богатства и своей службой опять возвеличиться. Ситуация с годами менялась, саксонские тэны⁵ приобретали все большую власть, однако здесь, в Данелаге, это ощущалось гораздо меньше. Тут по-прежнему было много датчан, действовала система датского права, крестьяне в большинстве своем явля-

---

³ Датская базовая единица земельного участка, равная примерно территории, обрабатываемой за год упряжкой восьми быков – *Прим. автора.*

⁴ Данелаг – территория в северо-восточной части Англии, отличающаяся особыми правовой и социальной системами, унаследованными от норвежских и датских викингов, завоевавших эти земли в IX веке. – *Прим. автора.*

⁵ Тэн – представитель военно-служилой знати, получавший земли от короля за службу. В переводе это слово означало «тот, кто служит». – *Прим. автора.*

лись свободными – словом, не слишком-то много шансов оставалось у прежних владельцев, что эти земли когда-нибудь возвратятся к ним. Кое-кто смирился, кто-то отправился на службу к королю, дабы заново заслужить владения и почести, кто-то и вовсе подался на континент, а кто-то, вроде Кенельма Олдхама, пытался действовать хитростью. Войска у него не имелось, доход с земель он получал небольшой, и сам не был захвачен соседями лишь потому, что они у него уродились мирные. До поры до времени.

Олдхама Рангхиль знала: несколько раз он приезжал к отцу, а затем явился на похороны, дабы засвидетельствовать свое почтение соседям, понесшим утрату. Тогда-то Ранди и поведала о том, что Кенельм претендует на земли за рекой, да поскорее. Роалль все чаще посвящал сестру в дела, а к концу прошлого года девушка прекрасно разбиралась в том, что происходит. Кенельма Олдхама нельзя недооценивать.

Ведь, несмотря на то, что в Данелаге сохраняются свои законы, датчанам по всей Англии сейчас приходится туго. Многие защищают свои земли с оружием в руках, некоторым не особо влиятельным тэнам пришлось даже возвратиться в Данию. Смена власти никого не оставляет в стороне, а когда на острове, пусть и достаточно большом, смешивается столько народностей, войн и взаимных обид не миновать. И политика нерешительного Эдуарда, о которой благородной девушке лучше не размышлять (все равно никуда от мыслей не денешься!), ни к чему хорошему, наверное, не приведет. Рангхиль просто не знала. Отец всегда говорил, что жить приходится в вечно изменяющемся мире, а значит, стоит быть готовым к любым неожиданностям. Олаф Миккельсен знал, о чем говорил. Он сменил одну страну на другую, холодные ветра Дании – на английские дожди, и постоянно был готов к сюрпризам. Его смерть тоже стала неожиданностью, и все же... Все же он умел чутко чувствовать ветер, как никто.

Близнецы чуяли ветер гораздо хуже.

Вот и сейчас: стоило бы призадуматься, почему Кенельм больше не заглядывает к Миккельсенам, почему прекратил говорить с ними о спорной земле. А он, оказывается, решил воззвать если не к христианскому Богу, то к одному из Его помазанников на земле: непосредственно к королю Эдуарду. Если долго вертеть хвостом при дворе, словно хитрый рыжий лис, можно, принюхавшись, узнать, куда дует тот самый нужный ветер. И цапнуть его зубами и когтями.

Мало ли влиятельных персон нынче в Англии...

– Я не думаю всерьез, что король удовлетворит эту просьбу, – продолжал Роалль нетопливо. – В самом деле, у него хватает забот. Но есть не только король...

Мысли близнецов, как всегда, сходились.

– К кому может обратиться Кенельм, если король Эдуард откажет ему? – задумчиво произнесла Рангхиль и погладила сунувшегося ей под руку пса.

– Он не в тех отношениях с эрлом Гарольдом⁶, чтобы претендовать на его внимание и помощь; к тому же, Гарольду Олдхам ничего не сможет пообещать. Разве что службу, но тому и так служат влиятельные. – Роалль помолчал. – О других его родовитых и властвующих друзьях мне ничего не известно, иначе, может, давно бы мы с тобой работали в свинарнике, сестричка.

Шутка была так себе, но Ранди улыбнулась. Пес извивался, ластился, подсовывал лобастую башку, чтобы и за ушами почесали.

– Впрочем, отец говорил, что у Кенельма имеется довольно влиятельный родственник при дворе Вильгельма, – припомнил Роалль.

– На большой земле? – уточнила Рангхиль.

– Да, в Нормандии. Его зовут Манстан из рода Олдхамов, и он, поговаривают, большой друг герцога. Живет при его дворе в Кане, пользуется милостями, довольно богат. Не сомне-

---

⁶ Эрл – титул высшей аристократии в тогдашней Британии, родовая наследственная знать скандинавского или англосаксонского происхождения. В услужении у эрлов находились тэны. – *Прим. автора.*

ваюсь, что он не откажется от клочка английской земли, если Кенельму хватит ума ему предложить в обмен на помощь или поддержку.

– Почему же Кенельм до сих пор не обратился к нему? – поинтересовалась Ранди.

– Откуда мы знаем? Может, и обратился, – пожал плечами Роалль.

Рангхиль задумалась.

– Ты полагаешь, они найдут средства, чтобы нанять воинов и отвоевать свои бывшие владения? – Эта мысль вызывала беспокойство.

– Если вспомнят, где границы проходили, – кисло пробурчал Роалль, – хотя я не сомневаюсь, что у Олдхама все записано. Он ведь и писать умеет, ты слышала?

Выдающиеся успехи Кенельма в каллиграфии не интересовали Рангхиль.

– Ты тоже умеешь, – напомнила она, – и даже я. Не в том дело, Роалль. Неужели все действительно так серьезно? Что же ты мне не говорил?

– Я не хотел тебя расстраивать.

– Это жизнь. Расстроюсь я или нет, если Олдхамы завтра будут под стенами с войском, мне нужно об этом знать, – покачала головой Ранди.

– Не надейся, что я заколю тебя, дабы эти саксонские мужланы не могли с тобою потешиться, – мрачно пошутил Роалль.

– Конечно! Кто добровольно лишит себя одного из лучших мечей?

Брат и сестра невесело улыбнулись друг другу.

– Как бы ни горчило кровь предчувствие битвы, но, поверь мне, сестра, на сей раз я предпочел бы ее избежать, – вздохнул Роалль. – И не потому, что трусость велит мне отсиживаться за стенами замка или бежать на край света, спасаясь от каких-то саксов. Нет, дело вовсе не в этом. От нас зависят люди. Об этом ты постоянно твердишь мне, и я поверил. Не только наши воины, для которых битва естественна, словно дыхание, но и крестьяне, возделывающие нашу землю. Эти люди ничем не заслужили войны. И хотя смута все равно будет – слишком уж слаб король, чтобы эрлы оставили его сидеть на троне! – я полагаю, она не заденет наши края, если мы того не позволим. Но для этого нам надлежит жить в мире с соседями. А некоторые наши соседи сами хотят воевать.

– В подобных спорных случаях есть еще одно решение, – медленно проговорила Рангхиль.

– Я знаю, – скривился Роалль. – Но мне не нравится это. Я предпочитаю битву. И хотя мысли о людях, живущих на земле, важны для тебя... и для меня, битва честнее. Битва лучше. Если бы Олдхам пришел под стены замка, если бы вызвал меня в поле, дабы там решить наши разногласия, все было бы проще и лучше. Но ты, моя дорогая сестра, плетешь мягкие сети. Не попадись в них сама.

– О, если ты полагаешь, будто я намерена предложить мой брак с Кенельмом, ты ошибаешься.

– А что же ты хотела сказать? – удивился Роалль.

Рангхиль передернула плечами. Она говорила именно о браке, но... Нет, Кенельм Олдхам не являлся самым неприятным из мужчин, с которыми ей приходилось сталкиваться за свою жизнь, – встречались и похуже люди. И он не связан брачными узами, и собой хорош. Рангхиль и сама себе не могла объяснить, почему она не хочет даже задумываться о том, чтобы вступить в брак с Кенельмом, и для Роалля ее невнятные сомнения не годились. Тут требовались мудрые слова.

– Мой брак с Кенельмом вряд ли послужит делу, – сказала Рангхиль. – Я уйду в его дом и разделю его землю – не наоборот. Вот если бы ты...

– Женился на Кенельме? – в притворном ужасе возопил Роалль. – О нет!

– Не время дурачиться, – досадливо поморщилась Ранди. – На его сестре, к примеру.

– Но у Олдхама нет сестры, – напомнил Роалль.

– К сожалению.

Близнецы умолкли. Воины за столом хохотали, смех метался над ними, как пламя над сухой травой; от очага тянуло вкусным запахом жареного мяса и золы, на которую капал жир.

– Мы слишком мало знаем о наших соседях, чтобы строить какие-то планы, – наконец, нарушила молчание Рангхиль.

– Нам никогда не требовалось знать о них много.

– Пока был жив отец...

– Да.

Олафа Миккельсена, громадного, с виду злого, словно сошедшего с небес скандинавского бога, боялась вся округа. При нем Кенельм не осмеливался выказывать свои претензии столь явно. Полунамеки, шутки – вот все, что он мог.

– Мне стоит написать тэну Лефстану, – предложила Рангхиль.

– И верно, – оживился Роалль, – он давно не приезжал к нам! Мы устроим пир в честь его приезда.

– У меня нет в том сомнений, но я хочу позвать его не за этим. Он знает, кажется, всех людей в мире. Он расскажет нам о Кенельме и других Олдхамах. Мы должны знать своих... соседей.

– Ты хотела сказать – врагов, – усмехнулся Роалль. Эта его ухмылка, когда уголок рта вздергивался, а губы растягивались, приоткрывая белые зубы... В такие моменты молодой тэн напоминал хищника, готового вцепиться горло.

– Да, но не сказала. Я надеюсь, что мы не станем врагами.

Рангхиль поднялась. Было далеко за полночь, кое-кто из воинов уже храпел прямо под лавками, а утро в замке начиналось рано. Иногда и ночь завершиться не успевала.

– Хорошо, – Роалль посмотрел на нее снизу вверх, – напиши ему. Я буду рад видеть старого Лефстана.

Рангхиль кивнула и пошла к лестнице, ведущей наверх, к ее комнате. За спиной у девушки раздался нестройный, возглавляемый единственным местным певцом хор голосов:

– Дали в жены дивну
Девицу за деньги
Храбру, мне-де равну,
Храфну достославну.
Мне к дому в буре бранной
Был Адальрад преградой.
Оттого-то воин
Слова едва и вяжет!

Ранди впервые не понравилась эта песня.

Глава 2

Тэн Лефстан был именно тем человеком, из-за которого отношение семьи Миккельсенов к саксам оставалось добрым. Этот мужчина, преклонных уже лет, но неиссякаемой бодрости духа и силы, дружил с Олафом, а после его смерти оказывал честь дружбы и его детям. Он владел землями к западу от надела Миккельсенов и являлся тем соседом, с которым приятно иметь дело. На него можно было бы положиться в случае, ежели кто-нибудь вздумает прийти отвоевать кусок нортумбрийских равнин, только вот людей у тэна Лефстана имелось совсем немного. Годных воинов – и тех разве что человек тридцать, и все пешие, – а саксы все чаще воевали верхом, провозглашая преимущество конницы. Им не особо верили (кто же по доброй воле возвысится над сражающимися, где ты и стрелам открыт, и копьям!), однако нельзя не признать, что равное количество конных и пеших, выставленных друг против друга, сходились с довольно тревожащим результатом. А уж насколько быстро могла перемещаться конная армия! Роалль, к примеру, старался развести побольше коней и научить своих дружинников верховому бою, однако лошадь – удовольствие дорогое. И растет она не один год. А если приходится коней еще и королю отдавать... Даже после смерти отца, по заведенному правилу, пришлось лошадей преподнести в дар – двух неоседланных, двух в полной сбруе; а еще вступающий в права наследования Роалль отослал в Лондон два меча, четыре копыя, четыре щита, шлем, доспехи и пятьдесят манкусов⁷ золота – но об оружии и деньгах не жалел, а вот о конях очень.

Тем не менее, как бы ни складывались военные отношения людей и лошадей, тэн Лефстан в Данелаге своих земель пока не утратил и с удовольствием навещал Миккельсенов, да и к себе приглашал. В его замке, маленьком и тесном, Рангхиль, тем не менее, любила бывать. Там было уютно. Однако сейчас отправляться к тэну Лефстану нельзя – не хотелось покидать свои владения. Лучше пригласить его сюда, устроить пир, как предлагает брат, и расспросить после нескольких кубков медвяного эля.

Рангхиль отправила письмо следующим же утром. Она радовалась, когда отец решил, что его наследники оба должны уметь читать, писать и знать счет; это облегчало ведение хозяйства и просто было приятным и полезным умением. Книжки к Миккельсенам попадали редко и стоили очень дорого, но те, что имелись в заветном сундуке, Ранди бережно хранила. А составить письмо старому другу означало получить удовольствие от написания и порадовать старика. Тэн Лефстан ценил уважение, а послание, переданное не на словах, в запечатанном свитке, совершенно определенно это уважение показывало.

Поэтому неудивительно, что через два дня после того, как письмо было отправлено, на западной дороге, ведущей к замку, показалась цепочка людей. Конными были двое – сам тэн Лефстан и дружинник Роалля, отосланный с приглашением. Впереди пешком шествовал знаменосец, несший стяг с гербом тэна Лефстана, а за всадниками – человек десять саксонских воинов. Все это были давние знакомцы, и замок оживился, готовясь к приему добрых гостей.

Роалль, с утра ездивший вместе с Хальдором на соколиную охоту, уже возвратился и стоял на пороге дома рядом с Рангхиль. Он окинул ее внимательным взглядом и улыбнулся:

- Твое платье мне нравится.
- Ты видел его много раз, – она отразила улыбку брата.
- От этого оно не перестало нравиться мне.

Платье было по нраву и Рангхиль – темно-зеленое, как дубовая листва в августе, отороченное серебряной лентой и с вышитыми цветами на воротнике. Швее скроила платье так удачно, что высокая и довольно крепкая Ранди смотрелась в нем невесомой и хрупкой, словно

---

⁷ Манкус – аглосаксонская монета достоинством в 30 пенсов – *Прим. автора.*

лесная фея. О феях ей рассказывали саксы – у них тут, оказывается, на холмах чего только ни водилось. Страшно из дому выйти, особенно ночью, особенно при луне.

– Я смотрю на тебя и думаю: счастлив будет тот, кто назовет тебя своей, – продолжил между тем Роалль.

Рангхиль нахмурилась.

– Ты намекаешь на что-то, брат мой?

– Ни в коем случае! – он принял столь невинный вид, что сразу стало ясно: конечно же, намекает. – Я просто замечаю, как идут дни. Быстро, быстро...

Ранди знала, что он никогда не поступит против совести. Никогда не велит ей выйти за человека, о котором она скажет: «Нет», – если не возникнут на пути непреодолимые обстоятельства, и от этого брака не будет зависеть выживание всех. Бывают вещи, которые сильнее личных желаний. Но по доброй воле Роалль никогда бы так не сделал. Слишком хорошо близнецы знали друг друга, слишком сильной была между ними родственная связь, чтобы брат мог жестоко поступить с сестрой. Однако, беспокойство Роалля можно понять: если ему, двадцатилетнему воину, можно погодить и не брать пока никого в жены, то для Ранди время уже проходит. Отец попустительствовал ей, да... А в голосе брата слышится не только смех, но и беспокойство.

Что ему сказать? Что ее сердце не созрело для любви? Что ей не хочется покидать замок Миккельсенов и отправляться к человеку чужому, у которого свои порядки заведены и которому нужно... подчиниться? Да и не смогла бы она. Сейчас Рангхиль была свободна – настолько, насколько может быть свободна женщина данов, живущая на английской земле. И добровольно поступиться этой свободой нелегко. Если бы она знала, ради кого так сделать!

Только вот она еще этого человека не встретила.

– О любви поют скальды, но, возможно, ее и вовсе нет на свете, – пробормотала Рангхиль. Роалль хотел что-то возразить ей, и она ткнула его кулаком в бок: тэн Лефстан как раз въезжал в ворота.

Он спрыгнул с лошади и пошел к встречающим его близнецам: огромный, словно медведь, в подбитом волчьим мехом плаще, хотя жара стояла; сгреб их обоих в объятия и прогудел над головою тяжелым колоколом:

– Вот так счастье пришло ко мне! Миккельсены позвали меня в дом!

– Еще не в сам дом, а только на порог, – засмеялся брат где-то в складках монументального плаща, и тэн Лефстан, заслышав этот сдавленный смех, наконец, отпустил Роалля. Ранди сакс прижимал к себе чуть дольше, но и ей через пару мгновений даровал свободу. Говорили она на саксонском – в честь уважения к гостю, к тому же, данский язык сосед понимал плохо, а объяснялся на нем и того хуже. – А теперь заходи, тэн, и будь дорогим гостем в нашем доме.

– Будьте желанным гостем, – кивнула и Рангхиль, и тэна с его свитой пропустили в длинный зал.

Прежде чем заявлять о делах, следовало выполнить ряд условий, без которых хорошая беседа не начинается. Проще говоря – обед, переходящий в ужин, и ужин, переходящий в завтрак. Рангхиль надеялась, что где-то между ужином и завтраком удастся вставить словечко, однако надежда эта сияла слабо. Тэн Лефстан славился не только своей мудростью, вездесущностью и редкой удачливостью, но и способностью поглощать огромное количество съестного и эля.

В зал принесли еще несколько длинных столов и скамей, за которыми смогли разместиться люди обоих владетелей. Шум поднялся невообразимый: когда в одном месте собирается много мужчин, которые, к тому же, не виделись целую вечность – с апреля! – то все они стремятся перекричать друг друга, дабы поведать новости и похвастаться чем боги послали. Ранди взяла на себя честь прислуживать брату и гостю. Она подливала эль в их кубки, подносила мужчинам самые вкусные блюда, над которыми на кухне корпели с позавчерашнего дня,

и лично острым ножом отрезала по громадному куску от жарившегося над очагом поросенка. Тэн Лефстан наблюдал за нею с удовольствием, и его взгляд так временами напоминал отцовский, что Ранди невольно вздрагивала. В такие моменты она чувствовала, как сильно ей не хватает отца.

Говорили о всяком: о соколиной охоте, грядущем сенокосе, погоде, походах и королевских придурях. Тэн Лефстан рассуждал немногословно, но со знанием дела; Рангхиль всегда замечала за ним, что, несмотря на кажущуюся громогласность, он больше слушает, чем говорит. Потому, наверное, и знает так много. В обществе, где все стараются друг друга переорать, как вон сейчас за нижними столами, искусство наострить уши и извлечь выгоду из услышанного весьма ценно.

– Слышал новости из Уэльса, – неторопливо рассказывал тэн Лефстан. – Говорят, Грифид ап Лливелин нанес поражение Грифиду ап Ридерху и вернул себе Дехейбарт. Также говорят, что он заключил союз с Эльфгаром, знакомым вам эрлом Мерсии и сыном Леофрика, который был изгнан из своих владений эрлом Гарольдом. А еще слышно, будто все они собираются пойти на Херефорд.

– И выступить против эрла Ральфа? – удивился Роалль. – Но у него же укрепленный замок, и армия вооружена на нормандский манер! Это преимущество.

– Да, но что только ни творит жажда справедливости! – заметил Лефстан. Ранди иногда не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

Рангхиль прислушивалась к беседе мужчин, однако, не так тщательно, как обычно. Ее занимали собственные мысли. Как скоро можно будет пригласить тэна Лефстана покинуть длинный зал и отправиться туда, где можно поговорить без помех?

Случай представился лишь несколько часов спустя, когда за порогом уже сгустились летние сумерки, тягучие и сладкие, как темный мед. Тэн Лефстан завершил свой рассказ о Йорвике, где успел побывать в мае, и спросил Роалля:

– Пригласил ли ты меня для того, чтоб я тебе рассказывал о городских улицах, или с каким-то умыслом?

– Какой умысел! – запротестовал Роалль. – Моя дружба и расположение прозрачны, как слезы!

– Данский воин рассуждает о слезах? Тут точно кроется какой-то подвох! – гулко захохотал тэн Лефстан.

– Это я имею умысел, а не мой брат, – созналась Рангхиль. Сакс перевел на нее внимательный и – вот удивительно! – вполне трезвый взгляд. За столом было выпито уже немало, однако на ясность зора тэна Лефстана это не повлияло.

– Женщины коварны, дорогой друг Миккельсен! Чем же ты хочешь завлечь мой разум, валькирия?

– Ваш разум, ваш опыт и ваш совет. Только, – Рангхиль обвела рукою зал, – не слишком хорошо рассуждать об этом здесь.

– Я не имею секретов от моих людей, – нахмурился Роалль.

– Да, брат мой, только дело не в секретах. Никто не станет скрывать важных решений. Но для того, чтобы их принять, необходима тишина, дабы ничто не отвлекало. Я предлагаю пройти в сад, и еду, и питье для нас принесут туда.

– Ну что ж, пойдёмте! – согласился заинтригованный тэн Лефстан.

Сад, находившийся внутри замковых стен, очень нравился Рангхиль. Она часто проводила здесь время, возилась с лечебными травами, произрастающими тут, или вместе с другими девушками шила, устроившись на скамье у старого колодца. Сегодня по приказу госпожи сюда вынесли стол, и на нем уже дожидались своего часа пузатые глиняные бутылки с элем. Служанки принесли мясо и зелень; тэн Лефстан опустился на скамью, жалобно скрипнувшую под его весом, и шумно вздохнул:

– По правде говоря, приятно вкусить пищи не в жарком зале, а на природе! Это напоминает мне те времена, когда мы отправлялись в длительные походы и неделями ночевали под звездами.

Старый тэн мог долго предаваться воспоминаниям, и в иное время Ранди с удовольствием бы его послушала, однако сейчас у нее имелись более важные дела. Она торопливо проговорила:

– Как я уже сказала, тэн Лефстан, нам нужен ваш совет.

– Это ты измыслила, будто совет нужен, – пробурчал Роалль. За два дня брат успел разочароваться в идее и посчитал, что ничего решать не нужно. Вот придет Кенельм Олдхам с войной – тогда решение станет очевидным, простым и приятным. Для настоящего воина нет момента слаще того, когда намечается сражение. Рангхиль понимала Роалля, она и сама знала, что такое упоение битвы, однако сейчас ее мнение и мнение брата, в кои-то веки, разошлись.

– Я настаиваю, что мы должны больше знать о своих врагах, – повторила она слова Роалля и вновь обратилась к тэну Лефстану: – Вы знаете все на свете. Чего нам ожидать от Олдхамов?

Тэн хмыкнул, опрокинул в себя содержимое кубка и тут же налил еще, до краев.

– Которого из Олдхамов вы имеете в виду?

– Мы знаем, что есть двое. Один – наш сосед, второй с ним в родстве. Кенельм и Манстан.

– Второй, я полагаю, тоже не против заделаться вашим соседом, – отметил тэн Лефстан. – Я бывал при дворе Вильгельма и видел этого Манстана Олдхама, когда он был моложе, чем сейчас. Дайте-ка припомнить... да, семь лет назад. Весьма выдающийся юноша тогда был, любил и любитель дам. Уже выигрывал в большинстве поединков и отличался завидной храбростью.

– А собой хорош? – Роалль невинно покосился на Рангхиль.

– Я в мужской красоте не разбираюсь, красота – она в том, как хорошо ты умеешь меч держать. – Брат кивнул, соглашаясь, тэн же продолжил: – Однако Манстан, как говорили, весьма недурен собою. Ну, ловок он, этого не отнять. Его мать была приближенной дамой королевы Эммы и последовала за ней в изгнание; Манстан хорошо знал нашего нынешнего короля Эдуарда. И хотя после того, как его величество возвратился в Англию и занял трон, Манстан Олдхам остался при дворе Вильгельма... Я вижу в том не глупость, а тонкий расчет. Во-первых, он вырос в Нормандии и пользуется всеми благами, которые тамошний свет может излить на него. Состоит в хороших отношениях и с Вильгельмом, и с Эдуардом. И если так случится, что Эдуард вправду сделает Вильгельма своим наследником в благодарность за помощь и доброту, то Манстан будет приближенным сильного короля. Полагаю, он вымостил себе дорогу в будущее.

– Но вы говорите, он и соседом нашим стать не прочь, – напомнила Рангхиль.

Тэн Лефстан пожал плечами.

– Земли Манстана в Нормандии невелики. Не уверен, что они у него вообще остались. Там всегда хватало своих владельцев, и постоянно ведутся войны, а какой-нибудь мятежный барон не в силах устоять перед лакомым кусочком. И хотя Манстан не особо нуждается в деньгах, просто живя в Кане и получая доходы со своей земли, если ситуация изменится, ему понадобятся владения в Англии. Предположим, что Вильгельм сделается королем после божьего помазанника Эдуарда, как говорят, и это не встретит сопротивления среди наших эрлов. Гарольд не поднимет на него мечи, но склонится пред ним. Предположим также, что война случится – тогда Вильгельм, насколько позволяет ему буйный нрав, и вовсе не отступится. Он приплывет сюда и сожжет корабли, как легендарный Тарик на берегах Гибралтара. – Тэн поистине хорошо владел искусством речи – может, оттого ему и удавалось узнать так много и сохранить добрые отношения со многими. – Тогда маврам было некуда отступать, и они завоевали Испанию, и по-прежнему заправляют там; Вильгельм из той же породы властителей. Чего бы ему это ни стоило, он получит свое, как получил жену. Он избавляется от врагов с

дьявольской хитростью. Чтобы стать его другом, как вышло у Манстана Олдхама, нужно обладать весьма недурными дипломатическими способностями и обаянием. Бастард крайне подозрителен.

– Но действительно ли он способен пойти войной на нас?

– О, уверяю тебя, валькирия, не только способен, но и пожелает! Это если мы говорим о Бастарде. Если же снова возвратиться к Манстану, то он многому научился от Вильгельма, я полагаю.

– Но вы не видели его много лет, – возразил Роалль.

– О да. Зато мне довелось не так давно повстречаться с его кузеном Кенельмом.

– Он и на ваши земли вздумал претендовать?

– Нет. Он лишь попросил приюта на пути в Лондон. Весьма сомнительный предлог, знаете ли. Дорога в столицу из дома Олдхамов протекает в стороне от моих владений. Но я сделал вид, будто ему поверил, и дал ему кров и стол. – Тэн Лефстан подцепил на нож моченое яблоко и с хрустом откусил сразу половину. – И представьте себе мое приятное удивление, когда вскоре мой гость заговорил о том, что его в действительности волновало. «Знаете ли вы, – произнес он, – что вскорости не останется в Нортумбрии человека, более влиятельного, чем я? Да, да! Мои земли возвратятся ко мне, можете поверить!» Я спросил его, каким же образом он намеревается их вернуть, однако он лишь усмехнулся загадочно и ответил, что я сам все увижу. Я полагаю, если он не добьется расположения короля, то будет искать помощи Манстана. В самом деле, все эти слухи, что Эдуард пообещал трон страны Вильгельму... Они кого угодно могут позвать на сомнительные подвиги!

Тэн Лефстан, по всей видимости, Кенельма не одобрял.

– Почему же он сказал это вам? – поинтересовалась Рангхиль. Что-то не давало ей покоя в рассказе тэна – понять бы еще, что именно! – Ведь он знает, вы водите знакомство с нами.

– Потому что он рассказывает об этом на каждом углу, как я слышал. Весь Лондон пропитался его самолюбием... ну ладно, ладно. Я преувеличил. Я думаю, он и хотел, чтобы вы узнали.

– Разве Кенельм Олдхам настолько хитер? – презрительно обронил Роалль. – Он трус! Он уклоняется от участия в турнирах и битвах!

– Это говорит о нем многое, но не отменяет хитрости, – покачал головой тэн Лефстан. – Значит, вот чего вы от меня хотели – чтобы я вам об этом рассказал?

– Мы не хотим войны... – начала Рангхиль, однако брат перебил ее:

– Мы хотим войны! Просто жаждем! Да простят меня старые боги и новый христианский Бог...

– Не так уж он и нов, – вставил тэн лукаво. Роалль, не слыша его, продолжал:

– Я бы вызвал этого Кенельма на битву, если бы он принял вызов. Но он уклонится в очередной раз, как уже сделал, когда отец предложил.

Рангхиль кивнула: она знала об этом случае. Действительно, однажды Олдхам в очередной раз заговорил о своих исконных владениях, и Олаф Миккельсен то ли в шутку, то ли всерьез предложил разрешить все сомнения раз и навсегда на ратном поле. Тогда Кенельм придумал что-то, что позволило ему если не отказаться от своих слов, то избежать поединка. Конечно, он опасался выходить против отца, раздосадованно думала Ранди, и точно так же опасается Роалля, о котором идет слава очень опасного в бою человека.

– Я понимаю так, что вы желаете решить вопрос дипломатией? – уточнил тэн Лефстан. Близнецы переглянулись.

– Втягивать наши земли в войну мы не хотим, – медленно проговорила Рангхиль. – За Кенельма вступятся многие саксы (надеюсь, не вы, тэн!), за нас – многие даны. Потому до сих пор нас и не тронули. Все просчитывают силы, и мы постоянно готовы к нападению, но мы не желаем быть первыми, кто затеет смуту.

– Мы будем защищать свой дом, – проговорил Роалль. – Однако...

– Где же врожденная воинственность данов и жажда походов? – то ли в шутку, то ли всерьез произнес тэн Лефстан. – Я-то полагал, будто вы расширите Данелаг хотя бы на те земли, что еще остались у Кенельма!

Роалль медленно поднялся; ноздри его раздувались, и сейчас он был, пожалуй что, страшен.

– Если ты, Лефстан, желаешь в поединке выяснить, как хорошо я умею сражаться...

– Я всего лишь подшутил над тобой, мой друг! – гаркнул тэн Лефстан и захохотал, словно обрушил телегу с камнями. – Садись и пей! Хотя чем больше пьют воины, тем сильнее кипит кровь и тем достойнее в рассказах становятся их подвиги. Но не с тобой! Ты всегда честен, даже лежа под столом!

Роалль, ворча, уселся. Рангхиль переждала, пока мужчины нальют себе еще эля, выпьют, а затем снова заговорила:

– Я сказала, что мы и совета у вас попросим, тэн. Я прошу.

– Не стоит даже и просить, валькирия, сам принесу, если совет вам сгодится! Только рад буду. Что ты хочешь от меня услышать?

– Я подумывала о том, чтобы Роаллю взять в дом женщину из семьи Олдхамов, да ведь там только мужчины остались в роду...

– Не только, не только, – покачал головой тэн. – Этим мне тоже Кенельм похвастался. Есть у него одна дальняя родственница, оставшаяся без приюта и потому воспитывавшаяся в монастыре. Так и предполагалось, что девушка примет постриг. Однако Кенельм всеми правдами и неправдами в прошлом месяце забрал ее от монашек в свой замок. Зовут ее Этель, ей едва исполнилось семнадцать. Олдхам зовет ее племянницей и полагает, что выгодно выдаст ее замуж – возможно, и за какого-то приближенного Вильгельма, в чем ему поспособствует Манстан, а возможно, за влиятельного английского тэна, если не эрла. Он будет искать выгоды, не сомневайтесь.

Рангхиль широко улыбнулась.

– Значит, мы можем предложить ему брачный союз!

– Эй, сестра, осадил коня! – встревожился Роалль. – Нельзя так быстро это решать!

– Но почему же? – не в силах усидеть на месте, Рангхиль вскочила и стала прохаживаться туда-сюда, задевая подолом пахучие кустики мяты. Идея, пришедшая девушке в голову, отличалась красотой, присущей по-настоящему гениальным и простым идеям. – Если бы мы предложили Кенельму Олдхаму выдать за тебя его родственницу, и он ответил бы согласием, то его желание заполнить наши земли...

– ...Стало бы еще больше, – закончил Роалль скептически.

– Я так не думаю. Его влияние бы упрочилось – ведь он заручится твоей поддержкой как нового родственника. Он полагает, что и дальше будет жить в Данелаге, а значит, ему нужны друзья среди данов, не враги. И он...

– Ранди, я не хочу брать в жены саксонскую девушку! – прорычал Роалль, переходя на датский. Тэн Лефстан с удовольствием наблюдал за перепалкой брата и сестры, не вставляя ни слова, только усмехаясь в бороду. – Если жениться, то на женщине из Дании!

– Ты собираешься покинуть эти земли и уехать обратно, на родину нашего отца? – Ранди тоже перешла на родной язык. – Мы с тобой никогда не бывали там, Роалль. Нас там не ждут, никто не ждет. И земель там нет. Ты забыл, почему наш отец отправился в поход вместе с Кнудом?

– Отец отправился, ибо нет ничего более священного, чем ратная слава!

– А еще он хотел жениться на нашей матери и принести ей в дар не только свою любовь, старое копье и дедов меч, но и земли, где она могла бы жить и растить детей. – Рангхиль развела руками и вновь перешла на саксонский, чтобы не обижать гостя. – Эти земли, Роалль. Земли

в сердце Англии. Мне жаль, у отца не вышло получить надел в Дании, однако он был доволен тем, что преподнесла ему судьба. И мы с тобой довольны. Разве ты можешь сказать, что это не так? Разве ты хотел бы оставить здесь все и, не оглядываясь, отплыть за море, дабы искать призрачного счастья в чужой стране? Да, мы родом оттуда, наши обычаи все еще оттуда, однако мы выросли здесь, рядом с саксами. И хотя многие из них по-прежнему ненавидят нас, многие и понимают, что народам нужно жить в мире. Как вы, тэн Лефстан.

Тот кивнул, но промолчал.

– Ты умеешь хорошо плести слова, дорогая сестра, но подумай о том, что ты предлагаешь, – возразил Роалль. Судя по его лицу, разговор брату не нравился совершенно. – Смешать кровь викингов с саксонской – как об этом можно помыслить? У Хальдора жена из Дании, а у меня, значит, будет бледный английский цветок?

– В этом все дело? Часть твоих воинов жената на данских женщинах, верно, но так ли давно Моэнс просил у тебя разрешения на брак с саксонкой? И ты ведь его дал. Дал, не задумываясь, – напомнила Рангхиль.

– Ну, я знал ее, она из нашей деревни...

– Вот именно, Роалль. Это *наша* земля. И нужно либо осознать это, либо по-прежнему относиться к ней как к завоеванию, которое необходимо оборонять, не более. Я же говорю о любви к месту, где ты живешь. Мне казалось, ты любишь это место. – Сама Ранди действительно любила эту землю, единственную, которую знала.

– Я люблю, – сказал сбитый с толку Роалль.

– Тогда саксонская девушка ничем не хуже датской. Более того – лучше. Этель Олдхам жила здесь, она знает этот народ, его нужды, его нравы...

– Что она может знать, если жила в монастыре? – возразил Роалль.

– А ты полагаешь, будто монастыри столь закрыты? – иронично поинтересовалась Рангхиль. Иногда суждения брата ее изумляли, иногда – смешили, она просто этого не выказывала. Мужчины не любят, когда над ними подшучивают – особенно когда они в этот момент очень серьезны.

– Если ее готовили к постригу...

– Даже если готовили, она – девушка благородных кровей. – Рангхиль снова заговорила на саксонском, чтобы тэн Лефстан ее понимал и, в случае чего, мог поддержать. Девушке почему-то казалось, что сосед на ее стороне. – Чтобы попасть в монастырь, она или ее родственники принесли ему дары. Ее должны были учить, готовить к будущему. Кто знает, вдруг она сделалась бы настоятельницей или ее помощницей! Или все-таки женой знатного человека. Если Этель Олдхам до сих пор не монахиня, значит, так было завещано ее родственниками, чтобы разумнее распорядиться ее судьбой. Такая девушка не станет тебе перечить, так как воспитана в строгости. Она понимает, какую честь ей окажут.

– Я надеюсь, – пробормотал тэн Лефстан. Не слушая его, Ранди продолжала:

– Она примирит нас с соседом. Возможно, она даже хороша собой, – привела Рангхиль весомый аргумент.

– Кенельм утверждал, что очень хороша, – словно бы между прочим сказал тэн.

– Вот видишь!

– Кенельм Олдхам хочет продать ее подороже, как корову в Йорвике в базарный день! – окончательно рассердился Роалль. – Такие вещи нельзя решать быстро! И ты забыла о Манстане. Если, как говорит наш друг, нормандский рыцарь захочет заполучить часть наших земель – и да помогут нам боги, если только он один этого жаждет! – то его не остановит мой брак.

– Следовательно, и с ним нам придется примириться. – Рангхиль сцепила руки за спиной. – Я могу выйти за него.

Роалль выглядел ошеломленным.

– Милая сестра, да он, небось, давно женат! Он ведь уже не молод, а значит, взял себе супругу, как подобает!

– Манстан Олдхам вдов, – усмехаясь, сообщил тэн Лефстан. – Об этом мне говорили те, кто приехал недавно из Нормандии. Не ведаю, от чего скончалась его супруга, однако сейчас он, вполне возможно, подыскивает себе новую.

Уже почти стемнело, и слуги принесли фитили, плавающие в плошках с жиром; эти свечи скудно освещали стол, лица собеседников тонули в полутьме, но уходить в жару длинного зала все равно не хотелось.

– Значит, мы можем поступить следующим образом, – медленно проговорила Рангхиль. – Напишем два письма за подписью и печатью нашего рода. Мы предложим Кенельму Олдхаму выдать за Роалля его родственницу Этель, а Манстану будет предложено взять в жены меня.

– Ранди, ты и вправду готова на это? – спросил Роалль. В голосе его звучало безмерное удивление. – Вспомни, я никогда не принуждал тебя ни к чему! И отец не принуждал. Да, твой брачный возраст давно наступил, и я хотел говорить с тобой о том, чтобы подыскать мужа, но... Но я полагал, он будет из данов, как и моя супруга. Я полагал, что ты возьмешь в мужья человека, которого видела хотя бы раз или он тебе понравится, когда увидишь. У нас много хороших знакомых. Никлас Сёренсен, Дагмар Бартолин...

– Никлас влюблен в дочь Эрика Белобородого, а Дагмар Бартолин слишком учён для меня, – усмехнулась Ранди. Она не желала обижать друзей Роалля, однако ни один из них не нравился ей. Нет, она относилась к ним спокойно, ровно и доброжелательно, только вот пламя в сердце не вспыхнуло, даже искра не проскользнула. – Надо чаще слушать сплетни, мой дорогой брат! И тогда ты станешь таким же мудрым, как тэн Лефстан.

– Благодарю, валькирия! – отсалютовал ей старый тэн бокалом со сладким медом.

– Зачем мне слушать – ведь у меня есть ты... – Роалль взял с блюда кусок сыра. Никакие споры не могли помешать истинному сыну викингов есть и пить. – В твоих словах есть резон, сестра, однако наскоро такие решения не принимаются. Мне нужно поразмыслить об этом. Что скажешь ты, Лефстан?

– Скажу, что звучит это разумно и мудро. Манстан Олдхам показался мне лучше своего родича Кенельма, а значит, Рангхиль сможет и полюбить, и уважать супруга. Если же Этель станет твоей женой, Миккельсен, то ты имеешь шансы заполучить худого, но друга по ту сторону реки. Может, и не друга даже. Но...

– Об этом следует поразмыслить, – повторил Роалль.

Глава 3

В последующие дни, пока тэн Лефстан гостил в их доме, близнецы постоянно обсуждали возникшую идею. Рангхиль видела, как понемногу брат начинает склоняться в пользу ее решения, как он неохотно, но уступает свои позиции. В самом деле, на первый взгляд, такая двойная сделка сулила выгоду. Если Олдхамы на нее согласятся. Но сначала требовалось убедить брата, ведь именно его брак с Этель – важнее и главнее. Рангхиль говорила с ним, внимательно выслушивала его возражения и отвечала на них.

Она умела быть хитрой, когда нужно. Умела быть настойчивой. Роалль, который в бою впадал в священную ярость берсерка, а также к своим двадцати годам уже заслужил репутацию, которой и многие бывалые воины не могли похвастаться, терялся и начинал туго соображать, едва речь заходила о вещах более тонких. О политике, например, или о браке. Он был прекрасным воителем и неплохим командиром, хорошим хозяином завоеванных земель, и простой люд его любил; но управлением занималась в основном Рангхиль. Это на ее плечи ложились основные расчеты, она понимала, когда нужно собирать урожай, как говорить не только с зажиточными крестьянами, но и с их женами, и она считала, что это дело женщины – так помогать мужчине. Хорошо бы Роалль женился до того, как уедет она сама, думала Рангхиль прежде. Хорошо бы он нашел себе супругу, которая сможет вести хозяйство и быть поддержкой своему мужу. Слабые плохо выживают в этом мире. Если Этель Олдхам выжила, она должна быть сильной.

Хотя ее взращивали за стенами монастыря – словно в саду, накрыв горшком. Тепло, надежно, зато солнца не видно. Возможно, Этель целыми днями читает молитвы, а хозяйство и муж ей совсем не нужны. Приехав сюда, она будет целые дни проводить в полузаброшенной замковой часовне, вознося мольбы Христу, а владения станут хиреть, замок зарастет паутиной... Однако, Ранди недолго терзалась подобными сомнениями. Она сумеет перевоспитать невестку, если все получится, как задумано.

Роалль возражал, увивал и напрямую не соглашался.

– Нам ведь некуда торопиться! – воскликнул он, когда Рангхиль в очередной раз завела речь о женитьбе. – Это дело вполне может подождать до осени. И к тому же, ты уверена, что хочешь выйти замуж за Манстана Олдхама?

Не то чтобы уверенность Ранди в этом деле была безграничной, однако девушка кивнула: – Да.

Роалль хмыкнул, но ничего не сказал и заговорил с тэном Лефстаном и Хальдором об охоте.

Кое-кто из приближенных к хозяину дружинников уже знал, что, возможно, Роалль вскоре приведет в дом супругу из Олдхамов. Возможно. Слишком неясно, случится ли это, ведь даже предложение не было сделано. А потому люди занимались своими делами, работали, пили и горланили песни, и ничего не менялось.

Однажды утром, проснувшись, Рангхиль отчетливо поняла: прямого ответа от Роалля она не добьется. Брат так и продолжит путать следы, словно заяц на меже, а дело не сдвинется с места. Потому оставалось поступить так, как Ранди очень не хотелось делать: пойти против воли брата.

Это решение, конечно, чревато непредсказуемыми последствиями. Роалль – властитель, пусть небольших земель, но он здесь полноправный хозяин. И все решения принимает тоже он. Жениться – одно из важнейших решений мужчины за всю жизнь. Однако, с ними-то воины обычно и не торопятся. Сколько мучительно долгих дней упустил Хальдор, когда уже ухаживал за синеглазой Хильдой, а потом никак не мог решиться предложить ей свое покровительство, освященное богами! Тогда над ним посмеивалась вся дружина. Возможно, Роалль опасается

повторения той истории, хотя над хозяином не рискнут так шутить. Однако он выказывает несвойственную ему нерешительность, а значит, это затянется еще на некоторое время. Которого у Миккельсенов, вполне возможно, нет. На свете немало и других женихов, могущих польститься на Этель, особенно если она выглядит неплохо и принесет мужу хоть какие-то доходы.

Рангхиль не была согласна с братом, что времени много. Наоборот. Каждый час увеличивал вероятность того, что Кенельм подыщет для Этель более выгодную партию, чем та, о которой он и ведать не ведает. Значит, нужно поймать удачу и успеть первыми. Поэтому, несмотря на опасения, что Роалль будет в гневе, Ранди сказала себе: пора решаться.

Она обсудила это лишь с Альвой, своей служанкой, которой могла поверить любой секрет. Альва внимательно выслушала госпожу и сказала, что молодому господину давно пора жениться, ибо таков его долг. А уж когда судьба подбрасывает возможность... Боги не прощают, если их дарами не пользуются. Христианский Бог – и тот когда-то был мстительным и злопамятным, стоит лишь прислушаться к тому, что говорят священники, а уж скандинавские вершители судеб и вовсе не любят, когда их игнорируют.

Рангхиль не стала откладывать на завтра то, что можно сделать немедленно. Покончив с утренними заботами, она велела принести письменный прибор в солярий⁸, устроилась у окна и принялась составлять письма Олдхамам. Начать Ранди решила с более простого послания, касающегося женитьбы брата. Кенельма она знала достаточно, чтобы подобрать нужные выражения и представить брачное предложение в лучшем свете.

«Доброму соседу Кенельму из Олдхамов от Роалля, сына Олафа из Миккельсенов приветствие и благие пожелания.

Надеюсь, что с нашей последней встречи ваше благополучие осталось неизменным».

Ранди поставила точку, обмакнула остро отточенное перо в чернильницу и усмехнулась. На самом деле, она бы обрадовалась, узнав, что Кенельм отнюдь не благополучен. Что-то было в нем такое мерзкое – как наткнуться на слизняка в цветке розы. Олдхам был приятен лицом и манерами, но отталкивал поведением и речами. Ранди покачала головой, подумав, что и эта Этель может оказаться таким же яблочком с червоточинкой. В монастыре интриги процветают зачастую более пышно, чем в свитах знатных людей.

Писала Рангхиль на саксонском – языке, который хорошо знали живущие в Англии даны. Во-первых, правили тут все-таки саксы, и их влияние не следовало недооценивать. Во-вторых, знание языка обеспечивало лучшую торговлю и взаимопонимание, упрощало отношения между хозяином и крестьянами. Писать соседу на его языке – значит выказывать уважение. Кенельм знает датский лучше тэна Лефстана, однако сейчас Миккельсенам что-то нужно от Олдхама, а не наоборот.

«Я знаю, что между нами нет добрососедских отношений, но я смею надеяться, что лишь пока нет. Как говорят служители христианского Бога, пусть мертвое прошлое само хоронит своих мертвецов».

Ранди перечитала последние строки и нахмурилась: Роалль не прислушивался к поведеньям христианских священников, в отличие от сестры. Рангхиль нравилось узнавать что-то новое, читать книги, а священники рассказывали истории и даже, при удаче, могли продать недорого список Библии. Читать эту книгу было гораздо интереснее, чем слушать странствующих проповедников. Монахи часто допускали неточности и даже искажали смысл тек-

---

⁸ У римлян солярием называлось открытое пространство на плоской крыше дома или виллы. В средние века это слово приобрело несколько иное значение: солярием именовалась либо площадка на башне, либо, чаще всего, комната под самой крышей башни, с окнами по кругу, так, чтобы солнечные лучи проникали туда в любое время дня. – Прим. автора.

ста. Ранди была уверена, что большинство из них просто не умело читать. Поразмыслив пару минут, она решила не тратить мел и чернила – и оставила книжное высказывание в тексте письма.

«До сего дня я мало размышлял о будущем, своем и своей семьи, но пришел тот день, когда мужчине пора об этом задуматься. Я уже проводил свою двадцатую зиму, поучаствовал в сражениях, брал призы на турнирах. Моя рука сильна, владения приносят достаточный доход, а внешность моя, смею надеяться, не вызовет нареканий даже у самого строгого ценителя красоты».

Рангхиль снова остановилась. Кажется, это описание звучит достаточно хвастливо, чтобы у Кенельма не осталось сомнений в том, кто автор послания.

«И, памятуя о вашем стремлении вернуть себе земли, которые вы почитаете достоянием своей семьи (с чем я, смею заметить, совершенно не согласен), я хочу предложить вам союз, который мог бы положить конец этому спору и сделать наши отношения поистине добрососедскими. Я слышал, что у вас есть родственница, вошедшая в брачный возраст, юная дева, чьим опекуном вы являетесь. В ней течет ваша кровь, она станет вашей наследницей, если судьба не благословит вас женой и детьми. И даже в этом случае, Этель (так, я слышал, зовут юную деву) останется вашей родственницей. Я предлагаю брачный союз между мной и Этель, союз, который позволит распре стихнуть, а нам жить в добрососедстве и мире».

Ранди посмотрела в окно: лента реки, за которой лежали земли Олдхама, серебрилась в лучах солнца. Если Этель переживет своего родственника, то эти земли отойдут ее детям. Детям Роалля. Если же Кенельм или его дети (которые вполне могут появиться в будущем, ведь «добрый сосед» еще совсем не стар) переживут потомков Миккельсенов, то мечта Олдхама о возврате некогда принадлежащего его роду может стать реальностью. Но сейчас это всего лишь смутное будущее. Нужно решать проблемы, уже сейчас со всех сторон обступившие Роалля, Рангхиль и замок.

«Я понимаю, что в письме не изложил всех подробностей, поэтому приглашаю вас с юной Этель в мой замок, чтобы обсудить детали возможного союза. Если вы согласны рассмотреть мое предложение, пришлите ответ с вестником, который доставит вам это письмо. С надеждой на лучшее, Роалль Миккельсен»

Рангхиль оставила лист на столе, чтобы высохли чернила, а сама подошла к окну и снова окинула взглядом горизонт: эта земля – их с братом, она стала родиной для отца, здесь похоронена мать. И никто, никто не сможет ее отнять.

К письму Манстану удалось приступить лишь после обеда, до этого времени Роалль постоянно был где-то поблизости, а Ранди совершенно не желала, чтобы братец снова начал спорить. Да, можно сказать, что она действует самовольно – и даже вопреки воле брата. Но это не имеет значения, ведь она права – и Роаллю придется, в конце концов, признать разумность ее плана и необходимость его осуществления. Вступать же сейчас в бесполезные и бесконечные споры Рангхиль не хотела, к тому же, опасалась, что брат просто запретит даже думать об этих брачных союзах. И тогда переубедить Роалля будет практически невозможно. Упрямство – фамильная черта Миккельсенов.

Итак, письмо. Сочинить послание к незнакомцу было гораздо сложнее, чем к соседу, пусть и не очень доброму. Каков этот Манстан? Чем его можно привлечь, и как убедить в честности намерений? И вообще, сочинять письмо, восхваляющее собственные достоинства, и

предлагать себя в жены чужаку, возможно, враждебно настроенному? Но выбора нет, придется. Тэн Лефстан говорил, что Манстан успешен при дворе Вильгельма, а значит, он достаточно честолюбив и дальновиден. Дальновидность, вот что следует использовать.

Через час вокруг стола валялось уже несколько смятых листов бумаги. Рангхиль вздохнула: бумага стоила дорого, не надо так ею разбрасываться. Впрочем, ее всегда можно отмыть и разгладить. А пока – несколько смятых листов лишь позволили успокоиться и, наконец, продвинуться дальше приветственной фразы и перейти к сути вопроса.

«Возможно, в будущем вы решите вернуться в Англию, если наш благочестивый король все же решит оставить трон герцогу Вильгельму. Как я понимаю, вы – влиятельный человек, но земли в Англии у вас не осталось. Я же, хоть и не особо влиятелен, но вполне богат. Моя сестра – красавица, благородная дева, обладающая всеми умениями, необходимыми хозяйке замка».

О том, что она еще и умелый воин, а также образованная дама, умеющая читать и писать, Ранди решила умолчать. Вряд ли эти умения приведут в восторг вдовца, желающего вступить во второй брак. И так уже у возможной невесты есть один недостаток – возраст, зачем же добавлять новые камни на чашу весов «против брака с сестрой врага». Если бы у нее было больше времени, то можно было бы заказать миниатюру у художника из Йорвика, чтобы послать возможному будущему мужу, но сейчас не имело смысла сожалеть о несбыточном. Можно, конечно, приложить миниатюру, которую написал несколько лет назад проезжий мастер, только там Ранди сама себе не очень нравилась. Кажется, мастер решил не тратить лишних сил, а просто дважды нарисовал одного из близнецов, просто в разных одеждах. Рангхиль была готова биться об заклад на любимого коня, что рисовал художник Роалля, потому что она сама тогда была не в духе и позировать почти отказалась, лишь пару раз постояла неподвижно у окна – а потом решительно пресекала всяческие попытки привлечь ее к этому глупому занятию. Что ж, сама виновата. В итоге вместо нее на портрете оказался нарисован Роалль в женском платье. Кстати, его это не портило, но вот посылая жениху эту миниатюру... Нет, Рангхиль была все же немного тщеславна и считала, что в роли брата она смотрится гораздо лучше и правдоподобней, чем Роалль в роли сестры. Рангхиль тяжело вздохнула и перечитала написанное. Теперь надо сделать предложение и надеяться, что оно Манстана заинтересует.

«Я предлагаю вам союз вместо раздора: руку и приданое моей сестры. Ее и ваши дети унаследуют положенную долю, что даст вам земли в дополнение к вашему положению, а также союз со мной и союзников в Данелаге».

Да уж. Уговорить Манстана явно будет гораздо сложнее, чем Кенельма. Здесь у Миккельсенов почти нет преимуществ. Рангхиль задумалась снова. Может, все же стоит послать миниатюру? Шестнадцатилетний Роалль выглядел милее и привлекательней большинства английских девушек. Рангхиль даже рассмеялась, представив, что сказал бы на это брат. Тем не менее, портрет юного Роалля в женских одеждах мог бы показаться прелестным любому мужчине. Конечно, если он не имеет возможности сравнить стоящих рядом близнецов. Да, миниатюру все же стоит послать.

«Чтобы не быть голословным, прилагаю к этому посланию портрет моей сестры Рангхиль. Если вы готовы более подробно обсудить мое предложение, то прошу уведомить меня ответным посланием с вестником, который доставит вам это письмо.

С надеждой на лучшее, Роалль Миккельсен»

Рангхиль положила второе письмо рядом с первым, прижала бумагу специальным камнем, чтобы послания не улетели в окно с порывом послеобеденного ветра, и пошарила в сто-

ящем на столе сундучке в поисках печати Миккельсенов. Роалль носил кольцо с печатью, но еще один слепок хранился в сундучке с письменными приборами – Рангхиль часто отправляла послания от имени брата.

Итак, дело почти сделано. Осталось приложить печать, упаковать послания и отправить гонцов. А оповестить брата можно будет и тогда, когда вестники вернутся.

Довольно трудную часть – найти вестников – удалось выполнить неожиданно легко. В замок пришли письма: одна из соседских жен благополучно разрешилась от бремени, и следовало послать ей письмо с поздравлениями. Владения счастливой семьи лежали как раз за владениями Олдхамов, а потому можно было передать послание с тем гонцом, что повезет ответ юной матери. Оставалось убедить парня промолчать об этом, но сию задачу Альва взяла на себя. Ей не было равных в умении уговорить мужчину. А потому гонец согласился отвезти письмо и ничего не сказать хозяину. Ранди уважали в замке, никто и помыслить не мог, что она действует против воли брата. К тому же, таиться следовало в основном от Йохана – личного слуги тэна, чистившего его доспехи и занимавшегося мелочами в жизни хозяина. Йохан мог разрушить все сразу, проболтавшись Роаллю.

Сложнее оказалось с посланием Манстану. Здесь отсутствие гонца, который должен отправиться в Нормандию, не скроешь: слишком долго продлится такое путешествие, больше месяца. Все люди в замке на виду, никто не может надолго пропасть без объяснений. А потому Альва, поразмыслив, предложила нанять одного парня из деревни. Он был сыном кузнеца, человека довольно состоятельного, и в их семье держали двух лошадей. Ни один конь из конюшен Роалля не мог бы исчезнуть бесследно, попросить его у брата Рангхиль тоже не могла – весь замысел бы вскрылся – а так удалось убедить парня и, что немаловажно, его отца держать язык за зубами. Кузнец удовлетворился щедрым вознаграждением, за судьбу его сына, задевавшего макушкой потолка, Ранди не волновалась – к этому человеку не всякая разбойничья шайка на беспокойных дорогах рискнет сунуться. Прихватив с собой кошель с деньгами, гонец уехал, и обратного пути не стало.

Лето набирало силу, трудолюбивые пчелы уже собрали достаточно меда, чтобы можно было откачать его в первый раз. У Миккельсенов имелась большая пасека, их мед и сладкая медовуха, а также свечной воск славились на всю округу и приносили солидную прибыль. Но прежде чем мед, добытый пчелами, превратится в деньги, придется потрудиться в поте лица. Пасека у Миккельсенов была устроена так, как это было принято у саксов: пчелиные рои селили в вертикально поставленные липовые и дубовые колоды, накрывали хорошо подогнанной крышкой, а потом все лето перевозили с места на место, поближе к цветущим медоносным растениям. Мед откачивали два или три раза за лето, оставляя осенью пчелам достаточно в сотах, чтобы они могли без проблем перезимовать.

Когда приходила пора откачивать мед, все не занятые на полях и службах в замке отправлялись на пасеку: там пригождался труд каждого, будь то ребенок или старик. Сильные мужчины, одетые в плотные костюмы и в маски из вуали, закрывающие лицо, доставали рамки с сотами из ульев, молодые парни оттаскивали чаны с истекающими медом восковыми пластинами в сторону, к навесу, где стояла огромная бочка со специальной крутящейся рамкой, медогонка. Это устройство было бесценным: его удалось купить аж в Лондоне, отдав немислимую сумму, но именно оно помогало отделять мед от сот, получая чистый продукт и светлый воск, идеально подходящий для изготовления дорогих свечей. Такой воск скупали монастыри и даже королевский двор.

Перед тем как поместить соты в медогонку, их надо было распечатать, чтобы сладкое содержимое легко вытекало из них. Этим занимались подростки и пожилые женщины. Старики крутили ручку медогонки, сменяя один другого. Постепенно на дне медогонки скапливался

золотистый или соломенный (а иногда и темный, рябиновый или репейниковый) мед. Когда крутящаяся рамка начинала задевать его, на дне медогонки открывали пробку – и сливали драгоценный продукт в крепкие бочки. Пустые восковые рамки частично возвращали пчелам, а частично выставляли в подносах на солнце, чтобы вытопить воск.

Но добыть мед – это еще половина работы. Потом часть сладкого продукта укупоривали в бочонках, чтобы продать или поставить на хранение на зиму, а часть смешивали в больших чанах со сладкими ягодами и оставляли бродить в теплом месте, чтобы потом разлить пенный напиток по кувшинам и бочкам: медовуху надо хранить в холоде, иначе она продолжит бродить и станет просто брагой. Выстоявшаяся в холодке, в темном погребе медовуха потом могла храниться годами и не портиться.

Эти дни на пасеке всегда нравились Ранди: тяжелый труд на свежем воздухе, сладкие пальцы, тягучий мед в бочонках – а потом купание в прохладной реке. Вместе с другими девушками она входила в чистые воды речушки, чтобы плавать долго-долго, позволяя воде держать себя. Иногда Рангхиль даже переплывала реку. Говорят, многие моряки не умеют плавать, только единицы, – а девушка вот умела, чем вызывала у своих людей смесь восхищения и подозрения. Саксы полагали, будто в воде может обитать дьявол; даны, многие еще приверженцы своих богов, считали палубу корабля единственным местом, где надлежит находиться воину – а волны пусть будут для рыб. Но Ранди нравилось чувствовать себя почти невесомой в толще воды. Когда запахи ила и меда смешивались, когда девушка притрагивалась к длинным толстым стеблям кувшинок, росших в крохотной заводи, или выходила на берег в мокрой рубашке, приятно облеплявшей тело в летнюю жару, то чувствовала себя счастливой. А потом они с девушками вскрывали маленький горшочек со свежим медом, брали теплый хлеб, принесенный крестьянскими детьми, сидели на берегу, болтали, ели и запивали свежим молоком.

Аромат и вкус меда потом долгое время оставались при Ранди, делая жизнь немного слаще...

Откачка меда как раз успела завершиться, и вот ранним утром, когда Рангхиль только умылась, а Альва помогла ей заплести длинные белые волосы в косы, раздался громкий стук в дверь и почти сразу же вошел брат. Он был мрачнее тучи. Глядя на его лицо, Рангхиль впервые ощутила что-то вроде чувства вины. Девушка понимала, что действовала в интересах семьи, однако так поступать с братом, которого она любила больше жизни... Да, это нечестно. Но что было делать?

– Выйди, – Роалль указал Альве на дверь.

Служанка быстро вышла, чтобы не попасть под горячую руку, и лишь напоследок бросила на Ранди ободряющий взгляд. Эта молчаливая поддержка была приятна. Впрочем, Рангхиль не боялась Роалля всерьез.

Брат, против ожидания, не стал кричать. Он спросил тихим и зловещим голосом:

– Значит, ты все-таки это сделала? – и бросил на стол распечатанный свиток, который Рангхиль не заметила вначале. На сломанной печати она узнала герб Олдхамов.

– Если ты имеешь в виду письмо нашему соседу, то да, я сделала это. И, как я вижу, получила ответ. – Ранди уже успела за прошедшее с отправки писем время смириться с мыслью о том, что ей придется столкнуться с гневом брата.

– Как ты могла поступить столь подло? – Роалль понемногу повышал голос. – Ведь я не дал своего прямого согласия!

– Ты не давал бы его еще много месяцев! – Рангхиль встала напротив брата, уперев руки в бока – ровно как замковая кухарка, когда отгоняла от котлов в длинном зале голодных дружинников. – И мы упустили бы шанс, а второго такого могло и не представиться! Подумай сам, Роалль. Ты до сих пор не сказал ни да, ни нет, – что мне оставалось делать?!

– Склониться перед своим сюзереном! – прошипел он.

Это правда, брат является ее сюзереном и опекуном, только вот что делать, если этот сюзерен и опекун ведет себя, как испуганный мальчишка?

Впрочем, свои мысли Ранди озвучивать не стала. Она переживет, сохранив данное мнение при себе, а Роалль мог бы взбелениться еще сильнее. Хотя куда сильнее! От брата словно волна шла – волна злости и гнева.

– Роалль, я не собираюсь раскаиваться, и вряд ли ты этого ждешь от меня. Я поступила так, как должна была. – Рангхиль не собиралась уступать своих позиций. – Даже тэн Лефстан признал, что это хорошее решение, а тэну я доверяю.

– Лефстана здесь нет! – гаркнул Роалль. – Он давно уехал! А ты соблазнилась одобрением этого хитреца и вообразила себе невесть что!

И тут Рангхиль поняла: если бы Кенельм отказал, брат и вполтину бы так не рассердился.

– Олдхам согласен? – произнесла она негромко. Роалль покосился на лежащий на столе свиток так подозрительно, будто тот мог накинуться на него, словно рассерженная гадюка.

– Да! Он согласен, да поразят его боги! Он согласен, и теперь мне придется жениться на саксонке, которую я в глаза не видал! Да еще и породниться с Олдхамами!

Роалль развернулся, вышел и грохнул дубовой дверью так, что потолок, кажется, покосился. Но Ранди не обратила на это почти никакого внимания. Она торопливо схватила свиток и развернула письмо.

Кенельм Олдхам сообщал, что ему нравится предложение соседа, однако следует обсудить детали. А потому он прибудет в замок Миккельсенов вместе со своей родственницей Этель не позднее чем через неделю.

Глава 4

Рангхиль удалось помириться с братом не сразу. Два дня Роалль, встречаясь с ней утром, смотрел мимо и цедил слова приветствия так неохотно, будто каждое из них жгло ему язык. В замке быстро узнали о происходящем – ведь нужно было подготовиться к приезду гостей, – и эта история взбудоражила людей. За столами в длинном зале, в кухне, на маслобойне и в полях не прекращались разговоры об этом. Шутка ли – хозяин вздумал жениться, да еще и на саксонской невесте! О том, что и Рангхиль, предположительно, выйдет замуж за сакса, никто не говорил, ибо не знал. Пока ответа от Манстана не было и не могло быть – слишком рано. А Ранди никак не могла поговорить с Роаллем, чтобы рассказать ему о том, что отправила два письма.

Утром третьего дня она работала в саду, выдирая расплотившиеся сорняки так, что комья земли летели во все стороны. Недавно прошел дождь, однако выглянувшее солнце быстро подсушило землю. Трава переливалась изумрудной зеленью, словно камни в драгоценном ожерелье; крохотные голубые бабочки, которые, кажется, живут всего несколько дней, перепархивали с цветка на цветок, трепеща полупрозрачными крылышками. Они напоминали Рангхиль английские сказки об эльфах – в детстве она об этом наслушалась вечерами, сидя на кухне среди саксонской прислуги, любившей страшные истории. Эльфы, даже мелкие, бывало, крали детей, подменяя их в колыбельках, мучили заплутавших путников, наводили чары. Нечеловечьих колдунов можно было повстречать не только в холмах, но и на рынке. Ранди пыталась рассказать о суровых скандинавских богах, о молоте Тора и восьминогом Слейпнире, а от нее отмахивались и не хотели слушать. Эльфы были понятнее, чем предания о громадном чужом мире, и христианский Бог казался милосерднее.

Здесь, в саду, Роалль и отыскал сестру. Он был уже не так мрачен, как в предыдущие дни, и поразительным чутьем, всегда касавшимся брата, Рангхиль поняла: ярость его немного утихла. Теперь можно поговорить. Она встала и отряхнула ладони от земли и прилипших травинок.

Брат и сестра немного постояли молча, глядя друг на друга. Ранди не знала, как объяснить то, что происходило между ними в такие моменты, но она внезапно остро почувствовала и любовь Роалля к ней, и его гнев, и его растерянность. С ним, воином и мужчиной, впервые поступили так – не спросив его мнения, не уведомив о важном. Даже когда близнецы были детьми, отец старался посвящать их во все, пусть они не понимали половины того, что происходило. Так они учились тому, что замок и люди – это важно. Они учились, что важно доверять близким людям, ведь именно на них приходится полагаться в битве. И такой поступок Рангхиль брат едва не возвел в предательство. Но, к счастью, он все-таки не решил, что сестра предала его. Может, оттого, что знал: она поступает искренне, желая добра им обоим, желая добра всем.

– Больше никогда не поступай со мною подобным образом, – хмуро произнес Роалль, словно продолжая разговор. – Такие решения меняют судьбу рода, а я глава рода, и мне решать, что именно сделать.

– В свою очередь, тебе стоит думать быстрее, – парировала Рангхиль. Лишь легкое чувство вины омрачало ее совесть: Роалль действительно слишком затянул с решением, ему следовало сказать либо «да», либо нет»; но первое говорить не хотелось, а во втором случае Ранди непременно спросила бы, что он сам предлагает – и вот здесь таилась ловушка, своих предложений у Роалля не было. Оба близнеца об этом знали, а потому брат не стал отвечать на колкость сестры, лишь скривился.

– Что ж, если так, нам надлежит подготовиться к их визиту. Я вижу, ты уже занялась этим, в длинном зале никто и присесть не может, пока не сбегает к тебе за разрешением.

Роалль шутит – это уже хорошо. Главное, чтобы он теперь достойно принял гостей.

– Все будет так, как надлежит, брат. Я не уроню нашу честь.

– Интересно, какая она? – вдруг произнес Роалль и отвел взгляд, как будто заинтересовавшись цветением ромашек. Но вряд ли он вообще видел сейчас цветы.

– Этель Олдхам? – Ранди пожала плечами. – Надеюсь, что хороша собой, но если нет...

– Она все равно не сравнится с датскими женщинами, – упрямо произнес Роалль.

– Ты думаешь, все наши женщины в Дании и здесь, в Данелаге, сильны потому, что в них течет северная кровь? – усмехнулась Рангхиль. – Англичанки тоже умеют постоять за себя.

– Она, выросшая в монастыре, умеет ездить верхом, как ты? Сражаться, как ты? Хотя бы дерзить, как ты? – возразил Роалль. Ранди понимала его беспокойство, но ничем не могла ему помочь.

– Если Этель окажется неженкой, у тебя будет два выхода, брат.

– Жениться или нет? – оживился Роалль.

– Воспитать ее так, как нужно тебе... или по-христиански смириться.

В последующие дни Ранди глаз не спускала с брата. Вроде бы они заключили перемирие, и Роалль смирился с судьбой, но что-то в его поведении, жестах, словах заставляло Рангхиль сомневаться в этом. Смирение – не та добродетель, что присуща данам, и самая непонятная из заповедей бога, безмолвно умершего на кресте. А потому от брата можно было ожидать любых сюрпризов.

Однако, пока Роалль не выказывал никакого недовольства происходящим. Он пировал со своими людьми в длинном зале, ожидая приезда гостей, и с каждым прошедшим днем становился все более весел и дерзок. Рангхиль начинала опасаться, что брат не сумеет провести переговоры с Кенельмом так хорошо, как нужно. Роалль по-прежнему не хотел этой свадьбы. Он смирился, но не хотел. Не сделает ли он невольно чего-то такого, что оскорбит Олдхамов и окончательно превратит их во врагов? Ранди пыталась донести это до брата, но он, казалось, не слышал.

Со временем все более сильное беспокойство овладевало Рангхиль. Ее хитроумие было бессильно против упрямства брата, и если бы он уродился таким же хитрым, как она, то непременно переиграл бы ее. Сейчас она следила за ним, как птица за птенцом, собирающимся в свой первый длительный перелет на юг. Рангхиль остро жалела, что ни отца, ни матери нет в живых. Они бы смогли рассудить, как надо. Они бы смогли убедить Роалля парой слов, а не бесконечными уговорами и повторением причин. Ранди не помнила матери, однако достаточно знала о ней, чтобы стараться походить на нее. И как жаль, что ее нет. Никакую другую женщину мужчина так не послушает, но у матерей есть священная сила и право говорить с сыновьями. А сестры – они почти равны. Почти.

Вороны прыгали по замковой стене, дрались, и длинные перья на концах их крыльев были похожи на растопыренные пальцы. Рангхиль смотрела на птичьи забавы так, как будто это было самое важное зрелище в мире. С холмов пришел ровный ветер, он трепал флаг над воротами, едва видный отсюда. Вороны каркали, насакивали друг на друга, тонкие черные лапы скользили по камням и цеплялись крохотными коготками. Птицы танцевали, как люди.

– Госпожа, – Альва, как обычно, вошла бесшумно; только вот, против обыкновения, в голосе ее слышалось волнение. – Они показались на дороге. Йохан увидел их с башни замка и послал сказать вам, а сам пошел к господину.

– И что господин?

– Он приказал седлать коня, госпожа.

Так она и думала! Рангхиль стиснула кулаки и сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Роалль задумал сбежать, но будь она проклята, если это допустит.

– Спасибо, Альва. Жди меня здесь.

Она почти бегом спустилась по лестнице и застала брата в дверях, ведущих из длинного зала во двор; там уже раздавалось цоканье копыт, понукание конюха, не всегда умевшего совладать с норовистым Роаллевым жеребцом. Хорошо, что вокруг никого не было: женщины заняты стиркой, а почти всех воинов Хальдор увел на охоту. Оставшиеся в замке – четверо суровых вояк – уже стояли в полном вооружении наготове, чтобы сопровождать Роалля.

– Ты куда-то собрался, брат? Наши гости скоро придут.

Роалль нервно оглянулся. Сейчас он вовсе не был похож на воителя и хозяина замка, а смахивал на мальчишку, застигнутого за кражей яблок.

– Ранди...

– Ты не можешь уехать. – Она остановилась напротив, стараясь перегородить ему путь к выходу. – Роалль, мы ведь решили все. Одумайся.

– Ранди, милая, я одумался! Потому и уезжаю. Я не смогу это сделать. Нет, так неправильно, и именно это подсказывает мне и сердце, и разум.

– Разум? Твой разум был согласен со мной еще совсем недавно. Сердце? Оно подчиняется разуму, и так ты сам говорил мне. Чем это назвать, как не трусостью?

Она понимала, что зря обвиняет брата, но стоило задержать его любой ценой.

Роалль вспыхнул.

– Я не трус. Но ты не можешь мне приказать, а я не хочу подчиниться. Твоя затея с самого начала не пришлась мне по душе, и ты это помнишь. Я не желаю становиться центром обмана и интриг, пусть даже это обойдется мне дорого.

– И что же мы скажем Олдхамам?

– Ты скажешь, сестренка, – он обошел ее и легко сбежал по ступенькам во двор. – У тебя лисий язык, Ранди, пусть он послужит нам немного.

– Я в последний раз заклинаю тебя...

Но он уже сел верхом и развернул коня.

– Я не стану лгать, и я не хочу всего этого. Потому я уезжаю. Это была твоя затея, Рангхиль, тебе с нею и справляться... Эй, парень! Открой-ка мне калитку.

– Будь уверен, я справлюсь, – пробормотала девушка, развернулась и пошла обратно. В длинном зале она столкнулась с Йоханом.

– Что же, ворота гостям открывать, госпожа? – сумрачно поинтересовался он. Видать, разделяет взгляды господина и не хочет впускать сюда саксов.

– Да, открывай, Йохан, – безмятежно ответствовала Рангхиль. – И если я не успею спуститься первой, скажи им, что господин Миккельсен сейчас придет, дабы приветствовать их.

Йохан ничего не ответил на данное заявление, лишь проводил госпожу долгим взглядом и тяжелым вздохом. «Все вокруг меня повадились тяжело вздыхать, – думала Рангхиль, поспешно шагая в свою комнату. – Всем не нравится то, что я делаю. Но ведь иного пути нет!»

Альва терпеливо ждала госпожу.

– Достань ту одежду, что хранится в сундуке со львом, – велела ей Рангхиль, и служанка понимающе кивнула.

Гости въезжали в ворота уже спустя несколько минут. Впереди шли два знаменосца, за ними верхом ехал сосед, а далее, в крытой повозке, – его родственница. Ранди видела их из окна комнаты, пока Альва помогала с переодеванием. Йохан, встречающий гостей, поклонился, пригласил их в длинный зал. Все, пора.

Рангхиль повела плечами, привыкая. Она давно этого не делала, и нужно было бы вспомнить как следует, однако времени не оставалось. Девушка вышла из комнаты, медленно спустилась по лестнице и вышла в длинный зал. Гости повернулись к ней. Она неторопливо, красиво поклонилась им.

– Добро пожаловать в наш дом, тэн Кенельм и вы, прекрасная госпожа. Я тэн Роалль Миккельсен, и я счастлив, что вы почтили мой дом своим присутствием.

Ранди смотрела только на Кенельма, хотя в зале находились и другие люди, слуги. Тем не менее, только Кенельм Олдхам мог бы разоблачить ее: люди Роалля, ее люди, никогда бы не подвели хозяйку. Конечно, на мгновение повисла странная тишина, но гости, Олдхам и его подопечная, ничего не заметили. Кенельм согнулся в ответном поклоне, Этель тоже склонила голову. Что ж, следует признать, что юная дева недурна собой, совсем недурна. Даже можно сказать, что она красotka – насколько вообще бледные английские девушки, хрупкие и низкорослые, могут быть красивы. Волосы Этель, тщательно убранные под бархатную шапочку с вуалью, были светлыми, но все же недостаточно, словно природа так и не смогла решить, быть ей блондинкой или всего лишь светло-русой. Огромные глаза – серые, как зимнее небо, взгляд – ясный и безмятежный. Рангхиль подумала, что если бы ее попросили описать Этель одним словом, то это было бы «спокойная». Девушка была юна, но держалась с удивительным достоинством и безмятежностью, словно мир вокруг являлся сном, едва касающимся границ ее разума и чувств. Уж не блаженная ли эта Этель? И не потому ли ее отправили в монастырь?

– Счастлив, что вы так быстро откликнулись на мое послание, – Рангхиль пришлось вживаться в роль буквально на ходу. Сложнее всего оказалось говорить низким голосом, все же с тех пор, как она последний раз изображала брата, прошло уже лет пять, если не больше. Но, кажется, гости ничего странного не заметили. А если и заметят, можно списать это на акцент: по-саксонски Рангхиль говорила хоть и чисто, однако все-таки чувствовалось, что это не родной ее язык. Если Кенельм и понял бы датский, то Этель – вряд ли: в монастырях очень мало данов, только саксы, да и те большинство фраз бормочут на латыни.

Ранди постаралась расслабиться и вести себя естественно. Немного мешали естественности штаны, оказавшиеся почему-то слишком тугими: сей непокорный предмет одежды со всей очевидностью доказывал, что в этой области Рангхиль приобрела объемы, превосходящие объемы Роалля. К счастью, длинная туника скрывала бедра. Волосы девушки, заплетенные на мужской манер, делали голову непривычно легкой и свободной. Тут Ранди повезло: у данов длинные волосы, затейливые сложные косы носили и мужчины, и женщины. Саксы стригли волосы, но носили длинные бороды, а саксонские женщины, особенно благородные дамы, прятали волосы так, словно скрывали не их наличие, а простую лысину. Мысли о лысых саксонках помогли расслабиться, а словно из-под земли появившиеся столы и яства отвлекли гостей и слуг от странного раздвоения хозяина: вот Роалль выехал за ворота, а вот он же приветствует гостей.

В эту минуту Рангхиль даже обрадовалась, что брат прочитал то злополучное письмо: после этого не было смысла скрывать предстоящий приезд гостей, так что удалось подготовиться на славу. Оказавшись за столом между Кенельмом и Этель, Рангхиль решила, что трапеза – прекрасный способ потянуть время и не вести серьезных разговоров с гостями, а всего лишь обмениваться вежливыми фразами и здравицами. А там, скорее всего, вернется заблудший братец. Быстрая скачка поможет выветриться из головы упрямству и вернет здравый смысл. Хотя то, что Роалль взял с собой четверых пеших воинов, настораживало.

Первой переменной подали зеленую похлебку из свежих овощей и зелени в чашах из краях белого свежего хлеба. От похлебки чудесно пахло свежей петрушкой и другими травами, так что Рангхиль не составило труда проявить нормальный мужской аппетит, гости тоже увлеклись едой, даже Этель утратила часть своей отстраненности и с явным удовольствием подносила ко рту серебряную ложку, полную ароматного бульона. Приборы гостям подали самые лучшие, есть чем гордиться. Кенельм тоже отдал должное первому блюду, а также мягкому сыру, овощам и салату, приправленному ароматным маслом и шафраном.

Первая здравница в честь гостей помогла Ранди окончательно расслабиться и войти в роль. Теперь даже самый придирчивый взгляд самого близкого знакомого не отличил бы сестру от

брата. Как же легко быть мужчиной! Можно громко смеяться шуткам, даже неприличным, есть с ножа, не задумываясь о длинных рукавах платья...

Второй переменной подали тушеную козлятину с эстрагоном и мятой, перепелов и различные соусы. Ранди решила, что пора обратить внимание на гостью.

– Легкой ли была дорога, госпожа?

– Да, благодарю вас, благородный тэн.

Голос у Этель оказался тоже спокойный и тихий, может быть, даже лишенный живых интонаций, словно она повторяла заученные фразы, не обращая внимания на смысл.

– Надеюсь, замок и поместье произвели на вас хорошее впечатление?

– Это чудесное владение, благоустроенное и процветающее, – вежливый комплимент в ее устах прозвучал почти утверждением, но также был лишен интонации и собственного отношения.

Что не так с этой девушкой? Она не в себе? Одурманена? Или... испугана до глубины души? Испугана так, что едва дышит и почти ничего не соображает? Рангхиль по-новому взглянула на Этель: да, похоже. Девушка смотрела прямо перед собой, руки не дрожали, но движения были скованными и неестественными. Ранди даже обиделась: не за себя, а за брата. Неужели Роалль Миккельсен столь ужасен, что способен напугать юную деву до полусмерти? Конечно, они не знакомы, конечно, Кенельм не мог сказать о возможном женихе ничего хорошего, пускай и согласился обсудить предложение; но Роалль красив, силен, приятен в обращении и весел. Мечта любой юной девы. Так почему эта Этель даже не смотрит на... жениха? Ну, на сестру жениха, но ведь она этого не знает. Неужели монастырское воспитание оказалось таковым, что все живое в характере девушки убито? Рангхиль слышала о суровых орденах, слышала и о других, где и выпить зазорным не считалось, и улыбнуться заезжему красавчику. Чем дальше монастырь от большого города и недреманного епископского ока, тем свободнее там нравы – так иногда говаривал тэн Лефстан. Впрочем, все знания Ранди основывались только на слухах: рядом с землями Миккельсенов и непосредственно на них ни одного монастыря не располагалось, хотя христианские церкви, конечно же, были. И Рангхиль радовало отсутствие такого соседства. Церковь порою бывает довольно жадной, требует особый налог от соседей, и жить рядом с монастырем довольно хлопотно – словно с осиным роем. Один раз осы, может, не кусают, а так... Если Этель выросла в излишней суровости, она, конечно же, растеряна. Или просто в голове у нее больше ничего нет, кроме молитв. Какая жалость.

Тем временем, принесли сладкий молочный пудинг и мед, которым славилось поместье Миккельсенов. Но даже лакомства не помогли. Этель отвечала только на прямые вопросы, смотрела в тарелку и лишь пригубила сладкий медовый напиток.

Кенельм же заметно оживился, распинаясь о видах на урожай, о политических слухах, достигших его ушей, сетовал на браконьеров – и вообще, чувствовал себя как дома. Олдхам ничуть не изменился за то время, что Рангхиль его не видела, и никуда не делся хитрый блеск в глазах, но сегодня сосед выглядел удовлетворенным. Нет сомнений, ему понравилось предложение. Иначе бы он приехал один, а он привез с собою Этель – хотел, чтобы Роалль ее увидел. Кажется, свадьба брата – дело решенное. Осталось лишь выторговать у доброго соседки выгодные условия брачного договора. Но тут уж Рангхиль была в себе уверена. Главное, чтобы брат не вмешался. Да уж, ничего не скажешь, ситуация двусмысленная: Роалль уехал, она изображает хозяина дома, жаждет его возвращения, но переговоры предпочла бы провести сама и от лица брата. Мило. Интересно, куда направился Роалль? И как скоро вернется? На прогулку, остужающую голову, это не похоже, а значит, искать следует и добрых соседей. Скорее всего, сбежал к Бартолину, но пока что рано посылать гонца, Роалль вряд ли уже сменил гнев на милость. Завтра, все завтра. А лучше – по завершении переговоров.

Этель устроили в комнате Ранди, сообщив, что сестра тэна уехала навестить подругу и вернется через несколько дней. Отсутствие хозяйки в замке во время визита важных гостей вызвало, конечно, вопросы, но еще больше вопросов вызвало бы отсутствие хозяина, потенциального жениха. Это могло бы сильно разозлить Кенельма, уверенного, что Роалль сам предложил этот союз – и сбежал. Это можно было расценить – и так оно и случилось бы – как прямое оскорбление. Оскорбление, которое могло послужить поводом не только для полного разрыва отношений, каких бы то ни было, но и удобным предлогом для войны. Так что, Рангхиль нашла верный выход. Как всегда.

Кенельму досталась оставшаяся отдельная комната, остальные гости устроились, где смогли, в соответствии со своим положением – кто в зале у камина, а кто и на конюшне, на сеновале. Кое-кого приютили женатые воины Миккельсенов, жившие, как полагалось, отдельно со своими супругами. Олдхама пришлось проводить в комнату под руки, соседка не рассчитал свои силы и заметно перебрал хмельного меда.

Рангхиль пришлось раздеваться самой, ведь призвать Альву в комнату хозяина означало совсем не ту помощь. Поэтому Ранди стянула бархатное блио⁹, распустила шнуровку на тугих штанах, развязала ворот рубахи и рухнула на постель. Кажется, если завтра с утра вовремя поднести Кенельму эля, то переговоры пройдут просто как по маслу. Голоса и шум в большом зале постепенно затихали, наконец, замок погрузился в сон, благословенная тишина...

Ранди уже засыпала, когда услышала тихий плач, такой тихий, что он казался призрачным шелестом, едва скользящим по каменным стенам замка. Кажется, Этель все же утратила самообладание, оставшись одна в чужой комнате. Интересно, как бы поступил на ее, Ранди, месте брат? То есть, что должна сделать Рангхиль, изображая брата? Уже голова пошла кругом от всего этого.

– Я – Роалль, я – Роалль, – проговорила Ранди, пытаясь заставить себя думать, как брат. В общем-то, Роалль всегда готов утешить плачущую красотку. Но Этель ему категорически не нравилась. Правда, заочно. А вот если бы он ее увидел, он вполне мог бы переменить мнение. Голова действительно начала болеть.

Как бы там ни было, будущее окажется более предсказуемым, если Роалль, вернувшись, застанет не рыдающую от страха деву, а милую и расположенную к нему невесту. Поэтому стоит пойти – и утешить девушку. Ранди взяла в руки блио, но поняла, что натянуть его без посторонней помощи не сможет. А в одной нижней рубахе она уже гораздо меньше походила на брата, грудь, хоть и перетянутая куском плотной ткани, заметно выделялась. Поразмыслив минуту, Рангхиль просто накинула тонкий шерстяной плащ и вышла в коридор. От двери комнаты брата до двери ее комнаты было всего несколько шагов, но и их Ранди сделала с осторожностью: свидетели ей совершенно не нужны.

Дверь оказалась заперта. Ранди прошипела пару крепких словечек и вернулась в комнату Роалля. Рыдания стали громче и явственней. Тяжко вздохнув, Рангхиль откинула плащ за спину и вылезла в окно. В паре локтей ниже подоконника проходил достаточно широкий карниз, чтобы по нему можно было пройти без особого риска. К счастью, окно в ее комнате было не закрыто ставней, все же лето на дворе.

Бесшумно перемахнув через подоконник, Ранди огляделась: горел всего один светильник, горькие рыдания доносились из дальнего угла комнаты. То есть, Этель даже не легла, а забилась в уголок и плакала.

– Этель, – тихо позвала Ранди, стараясь, чтобы голос прозвучал хоть и низко, но нежно.

Рыдания тут же превратились в тихие всхлипывания, девушка явно пыталась взять себя в руки.

---

⁹ Верхняя рубашка, обычно из дорогой ткани, с рукавами или без – *Прим. автора.*

– Я услышал плач, – проговорила Ранди, подходя ближе. – Я не могу уснуть, если девушка плачет. Если моя гостья плачет.

– Простите, господин, – ровным голосом ответила Этель, тенью прижавшаяся к стене. – Я не хотела вас беспокоить.

– Меня обеспокоил не ваш плач, а причина, по которой вы так горько и безутешно рыдаете. Сомневаюсь, что вас так расстроило грядущее расставание с дядюшкой. Поэтому, единственный возможный виновник ваших слез – это я.

Этель молчала, лишь ее тихое дыхание выдавало ее присутствие и волнение.

– Но я не понимаю, чем я мог вас так расстроить и напугать.

– Я... – Этель, видимо, поняла, что ее собеседник не злится, а хочет ее успокоить и даже утешить, поэтому встала со скамьи в углу и подошла на пару шагов поближе. – Я просто расстроена столь резкими и неожиданными переменами в своей жизни. Наверное, вы в этих переменах виноваты. Отчасти. Или в значительной мере.

Кажется, юной деве не занимать твердости духа, несмотря на всю ее внешнюю хрупкость и смиренность. Видимо, не всегда твердый характер находит свое выражение во внешности и манерах. И стойкость не всегда сопровождается храбростью.

– Насколько я знаю, ваш дядя забрал вас из монастыря еще до моего предложения. По всей видимости, рассчитывая вернуть хотя бы часть вашего приданого и выгодно выдать замуж.

– Приданое он не вернул, – Ранди была готова поклясться, что Этель улыбается. – У матушки-настоятельницы еще никто не умудрился и гроша вытянуть.

– Но это не помешало ему забрать вас из монастыря.

– Да, дядя счел меня ценной саму по себе. – В голосе Этель теперь звучало искреннее неудовольствие и гнев. Стоило страху отступить – и девушка ожила.

– Этель... – Ранди замолчала, подбирая слова. – Я понимаю, что вы меня не знаете. Но и я вас не знаю. Однако я готов всем сердцем открыться вам и постараться сделать так, чтобы наша совместная жизнь была мирной и счастливой. Мы все выиграем от этого союза, но союз – это нечто большее, чем объединение земель, я это знаю. Неужели я вам кажусь настолько отвратительным, что вы готовы всю ночь прорыдать, а потом взойти на алтарь, как жертвенный агнец из христианской Библии?

Рангхиль подумала, скажет ли ей будущий муж такие же слова ободрения и утешения? Или ему будет все равно, что чувствует невеста?

– Вы... – Этель вздохнула, видимо, собираясь с духом. – Вы красивы и сильны. И, как я теперь понимаю, добры и способны проявить сочувствие и милосердие, столь редкие у мужчин любого народа.

– Вы тоже очень красивы и милы. И, к тому же, смелы и честны. – Рангхиль сделала еще шаг к Этель. – Мои родители жили в любви и согласии. И я мечтаю о такой же жизни.

– Я тоже. – Этель сделала шаг и встала так, чтобы свет падал на ее лицо. – Подойдите к свету, – попросила она.

Ранди подчинилась. Честно говоря, она чувствовала себя странно. Наверное, это совесть. Не очень честно разыгрывать перед Этель представление, говоря от лица брата, который может оказаться не таким чутким и понимающим. Но Роалль с большей радостью и благосклонностью примет невесту, расположенную к нему, а не отчаянно сопротивляющуюся.

– Итак, друзья? – Рангхиль решительно протянула руку, предлагая скрепить договор традиционным рыцарским рукопожатием.

– Да, согласна. – Узкая и нежная ладонь Этель легко коснулась слегка огрубевших от упражнений с оружием и верховой езды пальцев Ранди. Немного помедлив, Рангхиль пожала руку своей будущей невестке.

– Ложитесь в постель, Этель, – посоветовала она. – Завтра будет новый день. Надеюсь, для вас он делается более радостным, чем предыдущий.

– Спасибо. – Этель скользнула под одеяло. – Обещаю, я постараюсь стать вам хорошей женой.

– Я вам верю.

Ранди снова вылезла в окно и вернулась в свою комнату.

Альва была там, взбивала подушки.

– Я дождалась, пока все уснут, и пришла помочь вам раздеться. Слава богам, я не подняла тревогу! – всплеснула руками служанка.

– Да, вышло бы неловко, – согласилась Рангхиль.

– Я выглянула в окно и услышала голоса. Вы разговаривали с гостьей? – Альва, как всегда, была любопытна. Иногда ее любопытство шло Ранди на пользу, а иногда раздражало.

– Да, малышка нуждалась в ласковом слове и утешении, – поведала Ранди. Она редко что скрывала от Альвы, всегда нужен кто-то, перед кем не надо задумывать о том, что говоришь.

– Надеюсь, молодой хозяин не обидит ее, – вздохнула служанка.

– Роалль вряд ли способен обидеть юную красавицу, Альва. – Ранди позволила ей снять с себя одежду, натянула свежую рубашку брата и забралась под одеяло. – Разбуди меня завтра пораньше. Я хочу обдумать брачный договор.

– Уверена, вы уже все обдумали, – проговорила Альва, тихо закрывая за собой дверь. – Как всегда.

Глава 5

До обсуждения договора удалось добраться только после обеда. Брат так и не появился, Рангхиль поставила надежного паренька из конюшни в надвратную башню и приказала немедленно сообщить ей, если на горизонте появится флаг Роалля. И сам Роаль. Если Кенельм увидит двух тэнов Миккельсенов одновременно – может получиться очень неловко. Но пока никаких тревожных сигналов не поступало.

Утром Альва, задумавшись, заплела хозяйке женские косы, но Ранди буквально в дверях комнаты столкнулась с молоденькой служанкой, Рианой, та охнула, прикрыв рот рукой.

– Т-с-с! – зашипела Рангхиль. – Не шуми. И никому ни слова.

Риана закивала, а потом прошептала:

– Косы!

Рангхиль взялась за кончик косы и поднесла к глазам.

– Да, незадача. Иди, Риана. И никому ни слова!

– Да, хозяйка. То есть, хозяин, – мгновенно исправилась девушка.

– Альва, – вернулась в комнату Ранди. – Конечно, Кенельм не разбирается в наших обычаях, но все наши люди сразу же поймут, в чем дело. – Ранди указала служанке на косы.

– О, боги! – Альва схватила за голову. – Надо заплести боевую косу – и все. Ходите так до возвращения хозяина. Иначе мы замучимся с этими волосами.

Рангхиль согласно кивнула и уселась на скамейку. Боевая коса – это надолго. Волосы переплетались так, что на макушке оставалась лишь толстая, плотно прилегающая к голове косица, не мешающая надевать шлем. Такая прическа могла без ущерба выдержать многодневный поход, меньше грязнилась и была чрезвычайно удобна.

Потом Рангхиль пришлось раздать указания слугам, причем, как за брата, так и за себя, написать несколько срочных писем, и лишь после сытного, но не столь пышного, как вчерашний ужин, обеда она пригласила Кенельма Олдхама пройти в солярий, чтобы все обговорить.

Они уселись за стол, на котором лежала бумага и перья и стояла чернильница. Денек выдался хорошим, солнечным, и плотные полосы света протянулись на каменном полу, ощутимо его согревая. Ранди тоскливо посмотрела на волю, где все так же текла серебристая река, где пели птицы и гулял свободный ветер. Пейзаж за окном был столь умиротворяющим, что в нем хотелось потеряться, будто в хорошем сне. Рангхиль часто удивлял этот контраст между природой и человеческими делами, и иногда ей казалось, что она излишне суетится, а стоило бы приостановиться и просто созерцать жизнь вокруг. Впрочем, эти мысли девушка быстро отбрасывала, как не несущие особой пользы. Да, она любила эту землю и наслаждалась ее красотой и дарами. Именно поэтому следует позаботиться, чтобы земля и дальше оставалась во владении Миккельсенов. Ранди с сожалением отвела взгляд от летнего пейзажа и сосредоточилась на человеке, от которого многое зависело.

Кенельм успел уже с утра приложиться к элю, да и за обедом не отказывал себе в удовольствии глотнуть медовухи, поэтому казался благостным и расслабленным. Однако, в солярии, едва речь зашла о деньгах и землях, сразу же проявил охотничью хватку и настойчивость. Рангхиль не собиралась поступаться ничем, к тому же, у нее была выгодная позиция: Кенельм мог дать Этель всего лишь небольшое приданое, а Роаль обещал, что их совместные дети унаследуют половину земель. Сделка так себе, но мир и отсутствие посягательств на поместье и замок того стоили. Особенно в свете приближающихся перемен. Данелаг разделит судьбу саксонских земель, судьбу всей Англии. Король Эдуард все больше теряет власть, влияние Гарольда растет. И если король, как и говорит, передаст трон герцогу Вильгельму, войны не миновать. И в этом случае нужны будут союзники в обоих враждующих лагерях, чтобы удержать землю.

Через пару часов упорных, но вполне вежливых споров Кенельм и «Роалль» ударили по рукам и позвали заранее приглашенного предусмотрительной Рангхиль писца, чтобы записать условия брачного контракта. Пока необъятно толстый коротышка пыхтел над листом бумаги, выводя затейливые буквы, составляя документ на двух языках и отрабатывая плату, Рангхиль размышляла о том, будет ли договор законным, если вместо брата его подпишет она. Когда писец закончил, Ранди приняла решение.

– Тэн Кенельм, сейчас в замке нет гостей благородного сословия, кроме вас, а нам нужны свидетели для подписания договора. Предлагаю отложить это до свадьбы, когда придут наши друзья и соседи.

– Я бы предпочел не затягивать с этим. – Предложение Олдхаму не очень понравилось. – Сейчас полно дел в поместье, я не хочу долго задерживаться в гостях и злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Я рад гостям, – неискренне заверила его Ранди.

– Будет лучше провести венчание как можно скорее. – Кенельм задумался. – Можно послать за священником в монастырь на пути в Йорвик. Он сможет приехать завтра.

– Но к свадьбе надо подготовиться! – В планы Рангхиль не входило встать перед алтарем в роли Роалля. Тогда уж точно брак будет считаться недействительным. Да и проклятие Церкви может последовать. – Пригласить друзей, соседей. Приготовить отличный пир, который запомнится всем. Я не желаю, чтобы кто-то говорил, будто тэн Миккельсен поспешил на свою саксонскую жену. Мы, даны, такого не терпим. – Ухмылка у нее точно вышла как у Роалля, можно не сомневаться.

– Ну, если вы хотите потратиться на свадьбу, мой дорогой сосед... – Кенельм взял кувшин и налил себе медовухи. – Я лично не считаю нужным так безрассудно сорить деньгами.

– Вы – мои гости, – заверила Олдхама Рангхиль. – Пошлем за священником, отправим вестников к гостям... Через пару дней назначим свадьбу.

Рангхиль мысленно вознесла молитвы старым богам и христианскому Богу, прося о скорейшем возвращении брата.

– Кстати, – встрепенулся Кенельм. – А вы, Миккельсены, вообще христиане?

– Отец принял крещение, осев в Англии. Мы были крещены в детстве. – Рангхиль предпочла умолчать, что христианский Бог был для данов всего лишь одним из богов. Может, главным, в силу своего главенства на этих землях, но далеко не единственным. И в бою они зывали к Одину и Тору, а не к Иисусу.

– Вот и славно. А то Этель очень набожна. – Слова Кенельма прозвучали так, словно он не мог решить: набожность является достоинством или недостатком.

– Я заметил, – пожала плечами Ранди. – На том и остановимся. Свадьба будет через два дня.

Дагмар Бартолин подошел к окну солярия, по случаю лета не закрытому ставнями и лишенному даже рамы с драгоценным витражным стеклом, которое украшало все окна этой комнаты в более прохладную погоду. Сейчас, в июне, приятное тепло свободно струилось сквозь довольно широкие оконные проемы, а ласковое закатное солнце красиво золотило серый камень стен. Дагмар любил эту комнату, хотя обычно солярий и считался женским помещением. Мать тэна Бартолина давно умерла, жениться Дагмар пока что не удосужился, поэтому женская половина дома являлась полной условностью. Хозяйки в жилище не имелось, впрочем, слуги вполне успешно обеспечивали порядок и процветание небольшого, но удобного замка, а также манора Бартолинов в целом¹⁰. Лесопилка, устроенная по византийскому типу,

---

¹⁰ Манор – феодальное поместье, комплекс земель феодала, общинных угодий и наделов лично-зависимых и свободных крестьян, проживающих во входящей в состав манора деревне. – *Прим. автора.*

каменоломня, поля, засеянные рожью и льном, тучные стада лежали в основе процветания не такого уж обширного имения. Отец Дагмара возвел донжон у восточной стены большого дома, обнес получившийся небольшой замок стеной, в пределах которой оказались казармы, амбары, погреба и склады. Конечно, укрепление не шло ни в какое сравнение с грозной мощью замка Миккельсенов, но Дагмар Бартолин не отличался воинственностью, имел крепкие связи среди магнатов и тэнов Нортумбрии, поэтому не ожидал сколь либо масштабного нападения. Его семья жила здесь уже несколько столетий, умудрившись удержать земли при любой власти, с тех самых пор, как сюда пришли саксы, прогнав в горы Шотландии бриттов. Тогда викинги тоже претендовали на эти земли, но потом их осталось в Англии не так уж и много. Это были тяжелые времена, однако Бартолины выстояли. И, надо сказать, удержать имение удалось благодаря воинственности, крепкой дружине и удачным бракам.

Сам Дагмар же воинственностью совершенно не отличался. Как и не желал рассматривать брак, как деловое соглашение. Дагмар был младшим сыном Фирна Бартолина, поэтому отрочество и часть юности провел в монастыре, готовясь к удачной церковной карьере: его наставники прочили, что к двадцати пяти годам он уже станет епископом. Дагмар получил отличное образование, свободно говорил и читал на нескольких языках, мог выступить в суде обвинителем и защитником, составить договор, процитировать наизусть сочинения столпов церкви и сложить превосходный стих, но выступать на коне с копьем и мечом на ристалище и поле боя – это было ему не дано. Во-первых, он не испытывал никакой тяги к ратному делу, как в силу характера, так и в силу воспитания. Во-вторых, здоровье его было не то чтобы выдающимся, а телосложение не подходило успешному воину. Дагмар был высок, но не слишком ловок, и полагал себя слегка неуклюжим, хотя окружающие в нем этого и не отмечали. Но Дагмар сравнивал себя с настоящими данскими воинами, которых по соседству и в его собственной свите наблюдалось великое множество – и на их фоне выглядел слабее. Впрочем, это его не особо тяготило. В его чертах, как смеялся отец, проявились результаты смешанных браков Бартолинов – Дагмар отличался приятной внешностью, а вот глаза у него были светло-карие, что для северян абсолютно нетипично. Зато волосы светлые, оттенка золота, смешанного с пеплом. Такая же коса была и у матери. Это Дагмар помнил о ней.

Для церковной карьеры сила и воинские умения не требовались, а требовался ум и дальновидность – этого у молодого человека имелось с избытком. Впрочем, Дагмар и стал бы епископом в двадцать пять, если бы его старший брат Эрдред не погиб от случайной стрелы на охоте. Отец не настаивал на возвращении младшего сына домой, церковная карьера Дагмара могла принести семье Бартолинов гораздо больше пользы, чем его вступление в права наследника. Но Дагмар решил, что сыновний долг важнее. Фирн Бартолин и его предки слишком много вложили в свое поместье, чтобы теперь оно осталось без преемника.

За прошедшие годы Дагмар увеличил богатство семьи, немного расширил манор, открыл в себе призвание к ведению дел и установлению новых торговых связей, но вот вопрос с наследниками снова приобрел остроту. Дагмару недавно исполнилось двадцать восемь, он был богат, умен, обеспечен, отличался отменным здоровьем, не жаловался на внешность, а найти супругу ему пока не удавалось. Может быть, потому, что он не участвовал в турнирах, редко покидал поместье, так что шансы встретить даму сердца были невысоки. Несколько раз он предпринимал попытки договориться о браке с дочерьми и сестрами своих торговых партнеров или соседей, но все так же безуспешно.

А пару лет назад он увидел деву, мчащуюся по холмам на диком и прекрасном жеребце, – и мысль о браке с какой-нибудь жеманной наследницей стала казаться Дагмару совершенно отвратительной. И каково же было его удивление, когда он встретил тронувшую его душу и воображение деву в большом зале дома Миккельсенов.

Рангхиль...

Когда маленькая и нескладная Ранди успела превратиться в сияющую валькирию?

Дагмар закрыл глаза, прижавшись лбом к прохладному камню. Каждый раз, когда Рангхиль оказывалась рядом, он чувствовал себя совершенно беспомощным и неуклюжим, терял дар речи и мог только молча смотреть на нее, прикладывая максимум усилий, чтобы Рангхиль не заметила. Никогда в жизни до встречи с неистовой всадницей он не сожалел о том, что не научился воинским премудростям. А теперь уже поздно начинать. Поздно пытаться стать для Миккельсенов кем-то, кроме доброго соседа и друга.

Когда Дагмар очнулся от сладостно-горестных размышлений, пейзаж за окном довольно существенно изменился: во-первых, солнце почти скрылось за кромкой леса, а во-вторых, из этого самого леса, отделявшего манор Бартолинов от поместья Миккельсенов, появился небольшой отряд, всего несколько человек, но над ними развевался личный стяг тэна Миккельсена. Роалль явно спешил навестить соседа. Дагмар решил, что не стоит заставлять друга ждать у ворот, быстро спустился в большой зал и отправил одного из игравших в кости слуг с приказом открыть ворота. Каким бы безопасным ни казалось положение Бартолинов, держать ворота открытыми в столь беспокойные времена, как нынешние, – это верх неблагоразумия. Когда слуга удалился – назвать это медленное движение «ушел» или «убежал» было бы большим преувеличением – Дагмар послал более расторопного человека на кухню, с приказом подать что-нибудь из холодных закусок в солярий, дабы приятно провести время до ужина с достопочтенным соседом. До вечерней трапезы оставалось совсем немного времени, но Дагмар знал, что Роалль никогда не отказывается перекусить – и никогда не приезжает в гости без пары бочонков своей лучшей медовухи.

Роалль ворвался в большой зал как осенний шторм, мрачный и не сулящий ничего хорошего. Сопровождавшие его слуги и дружинники быстро и благоразумно ретировались куда-то в сторону кухни, сгрузив у порога часть принесенной с собой поклажи, а слуги Бартолина постарались не попадаться на глаза гостю. Один Дагмар спокойно встретил друга и высказал все необходимые слова приветствия, прежде чем поинтересоваться, что привело дорогого соседа в столь взволнованное состояние.

– Что меня так взволновало? Это в трех словах не опишешь. – Роалль мрачно покосился на слуг, старавшихся слиться со стеной, сосредоточил внимание на сиротливо оставшемся при входе бочонке и заявил: – Кажется, я мало с собой захватил медовухи.

– Все настолько плохо? – осторожно спросил Дагмар.

– И даже хуже! – отрезал Роалль.

– Что ж, поднимемся в солярий, туда уже должны были подать что-нибудь съедобное, и до ужина ты успеешь мне поведать все свои горести.

Как оказалось, поведать о горестях Роаллю удалось буквально в нескольких словах, а вот живописание всех подробностей хитроумного плана Рангхиль заняло гораздо больше времени. Дагмар, сначала предполагавший воздержаться от излишних возлияний, узнав, что Рангхиль решила во что бы то ни стало женить брата (это Дагмара взволновало не особо, но другу он выразил требуемое сочувствие) и выйти замуж сама, тут же налил себе полный кубок медовухи – и немедленно выпил.

К ужину друзья решили не спускаться, послав слугу на кухню и потребовав горячее и свежие закуски в солярий. Как резонно заметил Дагмар, обсуждаемая тема – явно не для лишних ушей, ибо касается не только Роалля, но и Рангхиль, а обсуждать даму при слугах – недостойно воинов.

– И ты, как я понял, – решил уточнить Дагмар, – гм... покинул дом в спешке, едва завидев приближающуюся невесту?

– Вся эта затея со срочными браками с нашими злейшими врагами кажется мне ужасной глупостью, – посетовал Роалль.

У Дагмара имелось по поводу ведущих к окончанию вражды браков иное мнение, но мысль о том, что Рангхиль выйдет замуж за какого-то неизвестного рыцаря, подвизающегося при дворе герцога Вильгельма, приводила его в несвойственную ему ярость и раздражение.

– Идея, сама по себе, неплоха. Даже вполне хороша, – медленно проговорил Дагмар, прицеливаясь ножом в кусок холодного мяса. – Но если ты против...

– Я очень, очень сильно против, – заверил друга Роалль.

– А почему? – Дагмар понимал, что вопрос риторический, но такие вопросы двигают разговор и позволяют собеседнику чувствовать заинтересованность слушателя.

– Как ты думаешь, почему я могу быть против, мой друг?

– Не знаю. Ты давно уже вошел в брачный возраст, владеешь землей, довольно богат...

– Довольно? – перебил Роалль.

– Да, довольно. Не слишком, чтобы вызывать зависть, но все же... – Дагмар достаточно хорошо знал о делах Миккельсенов, чтобы делать подобные заявления.

– Ты, как всегда, честен, – рассмеялся Роалль.

– Как всегда, – согласился Дагмар.

Тэн Бартолин задумчиво рассмотрел кусок мяса: отлично прожаренный, мягкий, сочный...

– Так на чем же мы остановились?

– На честности.

– Нет, перед честностью.

– На богатстве.

– Ах, да. Тебе давно пора жениться! – Дагмар помахал в воздухе свободной рукой. – Так почему бы не на этой, как ты ее назвал?..

– Этель Олдхам.

– Да. Этель Олдхам. – Дагмар вернул кусок мяса на блюдо и взял кубок с медовухой. – Чем плоха Этель Олдхам?

– Во-первых... – Роалль задумался. – Во-первых...

– Да, приведи хотя бы один довод против.

– Один? – Роалль опустошил бокал и потянулся к кувшину, чтобы наполнить его заново. – Да я тебе их сотню приведу!

– Я тебя внимательно слушаю.

Как бы ни была неприятна Дагмару мысль о том, что Рангхиль выйдет замуж за какого-то сэра Олдхама ради сохранения мира и поместья, но возможность получить под боком небольшую войну и лишиться Миккельсенов прельщала его еще меньше. Конечно, Дагмар пока что не до конца понял, какую выгоду принесет брак Рангхиль, а вот брак Роалля совершенно точно был полезен.

– Главная причина – это то, что я не хочу жениться! – наконец-то собрался с мыслями Роалль.

– Вообще или на Этель? – уточнил Дагмар.

– Вообще.

– Но ты – тэн, ты должен.

– Пф! – Роалль подцепил отложенный другом кусок мяса и отправил его в рот. – Знаешь, – пробормотал он. – Я могу и переменить мнение на счет брака. Но не сейчас.

– Иногда мы просто должны делать то, что должны. И сейчас такая ситуация. – Чувство долга – вот что двигало всей жизнью Дагмара.

– И это дружеская поддержка? – возмутился Роалль.

– А кто еще скажет правду? – искренне удивился Дагмар.

– Мой дорогой сосед, – вздохнул Роалль. – Я осознаю правду. Но я не хочу пока об этом думать. Давай выпьем.

– Выпьем, – согласился тэн Бартолин.

Когда Дагмар открыл глаза, в окно заглядывало послеобеденное солнце, а рядом кто-то душераздирающе храпел. Собрав волю в кулак и преодолев почти невыносимое желание снова закрыть глаза и забыться тяжелым сном, Дагмар повернул голову в сторону храпа и оказался нос к носу с Роаллем, вольготно занявшим большую часть кровати, слава Всевышнему, отличающейся размерами и монументальностью. Дагмар попытался припомнить, что за стечение обстоятельств привело к такому совместному сну, но не смог. В доме имелось несколько спален, помимо комнат хозяина и хозяйки, так что никакой необходимости спать в одной комнате не было. Но, видимо, медовуха не позволила друзьям расстаться до того, как это стало невозможным.

Роалль на тычок в бок никак не отреагировал, поэтому Дагмар просто скатился с кровати и побрел куда-то в сторону лестницы, решив, что в длинном зале ему скорее удастся получить воду, еду и заботу. Вид, открывшийся Дагмару в зале, заставил надежду на живительную влагу угаснуть. Дружинники Роалля и слуги Бартолинов полностью поддерживали идею своих хозяев насчет выпивки, поэтому лежали в живописных позах по всему помещению, обнимая нежно кто до чего дотянулся: служанок, бочонки, скамейки, собак и кружки. При виде Дагмара голову поднял только один из присутствующих – старый охотничий пес, но и тот лишь окинул хозяина осоловелым взглядом и со стуком уронил башку на пол, прямо в лужицу застывшего жира.

Кажется, получить поток воды можно только на кухне, но путь туда неблизок. К счастью, в дверях, ведущих в хозяйственные помещения, показалась кухонная девчонка, спешащая куда-то с поручением. Дагмар остановил ее и послал за водой, пивом и чем-нибудь съедобным. Тут же, совершенно кстати, зашевелились спящие люди, просыпаясь один за другим и осознавая, что тэн может разгреиваться, живо привели помещение в порядок, усадили хозяйина во главе стола и выжидательно расселись сами. Дагмар обвел всех тяжелым взглядом и поинтересовался, какой сегодня день.

– Мы приехали к вам вечером третьего дня, – сообщил один из дружинников Роалля.

Дагмар покачал головой и тут же раскаялся в столь неосторожном поступке.

– Третьего дня? – донеслось с лестницы, а потом раздался грохот.

Дружинники Миккельсенов сорвались со своих мест в едином порыве, несколько раз столкнулись друг с другом, но все же смогли вовремя добраться до скатившегося с лестницы Роалля, подняли хозяина, ловко его отряхнули и сопроводили к почетному месту за столом рядом с Дагмаром.

– Третьего дня? – повторил еще раз Роалль, припадая к кружке с пивом. – Отличная была медовуха!

– Да, только ее было слишком много. – Дагмар последовал примеру друга.

– Но и я пытался забыть о слишком сложных проблемах.

– Да, конечно. – Дагмар снова покачал головой, проверяя, помогло ли пиво. Кажется, помогло. – Только я сейчас сообразил... Тебе не кажется, что, оставив сестру разбираться с гостями, ты поступил не очень по-мужски?

– Хм... – Роалль вздохнул. – Да, ты прав. Но я не думал, что все так затянется. Полагал, что вернусь на следующий день – и с новыми силами приступлю к своим обязанностям. На самом деле, я знаю, что должен жениться, но...

– Но? – поднажал Дагмар.

– Ранди слишком на меня давила, я почувствовал, что могу наделать глупостей, если не умчусь куда-нибудь, где меня не будут тащить волоком к алтарю, – посетовал Роалль, тяжело вздыхая. Кажется, это утро было просто полно вздохов.

Дагмар понизил голос, чтобы его не слышали слуги и дружинники: он подозревал, что история с поспешным бегством Роалля из своего же поместья не должна становиться достоя-

нием чужих ушей. Даже ушей, если можно так выразиться, преданных. Уши-то не подведут, а вот языки... Если кто-то проболтается, как поступил Роалль, это может привести к непредсказуемым последствиям. Сложный кодекс чести данов насмешек не допускал.

– Тогда тебе стоит поспешить домой.

– Да, но перед этим можно основательно закусить и развеять туман в голове. – Роалль явно старался оттянуть момент возвращения в отчий дом.

– Желаете предстать перед невестой в лучшем виде?

– Я желаю встретиться с Кенельмом Олдхамом, имея светлую голову, а не полную медовухи. – Роалль понимал, что иметь дело с соседом – задача, требующая сосредоточения. – К тому же, если бы мое присутствие было так необходимо, Ранди бы уже стучала кулаком в твои ворота.

– Вот в последнем я не сомневаюсь, – слабо улыбнулся Дагмар. Почему-то видение разозленной Рангхиль, колотящей затылком в перчатку кулаком в его ворота, заставило его развеселиться и развеяло остатки хмеля.

– Поэтому я предлагаю сейчас съесть все, что нам послал Господь и твоя кухарка – а только потом отправиться ко мне, чтобы встретиться, наконец, с Олдхами, – удовлетворенно проговорил Роалль.

– Ты полагаешь, что мое присутствие будет уместно? – Дагмар никогда не отказывался навестить соседей, но сейчас сильно сомневался, что увлеченная обширными матримониальными планами Рангхиль примет его с распростертыми объятиями.

– А разве ты не хочешь поддержать друга? Так, по-соседски? – удивился Роалль. – Или вдруг от тебя потребуется другая помощь – кто же мне еще даст мудрый совет?

– Я всегда готов тебя поддержать, – заверил друга Дагмар. – Но я не совсем понял, что заставило тебя переменить мнение на счет женитьбы?

– Я его не переменял, – хмуро пояснил Роалль. – Но, в любом случае, мне пора вернуться домой, пока Рангхиль что-нибудь не натворила.

– Что же, к примеру? – Самому Дагмару в голову что-то никаких вариантов не приходило.

– Даже боюсь представить, что Ранди может сделать. Я ее оставил очень разгневанной. – Видимо, и Роалль не способен был вообразить всю изощренность и изворотливость сестры.

– Да, в таком случае, мое присутствие просто необходимо, – иронично протянул Дагмар. Он сильно сомневался, что сможет послужить другу подмогой в столкновении с Рангхиль, но знал, что его, Дагмара, общество часто действует на Ранди умиротворяюще.

– В таком случае, покончим с трапезой – и в путь.

Глава 6

До замка Миккельсенов друзья добрались к обеду. Солнце стояло почти в зените, на небе не было ни тучки, птички чирикали, овцы паслись – прекрасный летний денек. Когда до замка оставалось с полмили, Дагмар придержал коня и указал Роаллю на главную башню.

– Тебе не кажется, что там поднят твой флаг? Это знак, что хозяин в замке.

– Мой флаг? Я в замке? – Роалль посмотрел внимательнее, легкий ветерок как раз развернул полотнище... – Да, это мой флаг.

– И что бы это значило?

На лице друга проступило сначала недоумение, а затем понимание, которого Дармар, к величайшему его сожалению, не разделял. Зато тэна Миккельсена собственные выводы мгновенно привели в ярость.

– Это значит, что я убью Ранди, как только смогу дотянуться до ее шеи!

Роалль пришпорил коня и стремглав помчался к замку. Дагмару оставалось лишь поспешить за ним. Слуги остались далеко позади. При приближении всадников ворота не открылись, зато распахнулась боковая калитка – маленькая дверца, ведущая в узкий коридор под башней. У дверей возвратившегося Роалля ждал... Роалль. Дагмар несколько раз моргнул, прогоняя странное видение, но видение исчезать не подумало, зато решительно заявило голосом Рангхиль:

– Как же ты вовремя, братец!

– Я так и знал! – воскликнул Роалль, спрыгивая с коня и хватаясь за голову.

– Ты не оставил мне выбора, – пожала плечами Рангхиль.

Роалль открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но тут примчалась Альва, прижимая к себе роскошное ярко-синее шелковое платье и вышитый мешочек, в каких обычно хранили драгоценности.

– Пока никто ничего не заметил, хозяйка, все слишком заняты.

Дагмар только сейчас обратил внимание, что на Рангхиль, столь поразительно похожей на брата, надето великолепное бледно-пурпурное, расшитое золотыми нитями блио поверх белоснежной нижней рубашки, штаны цвета темного вина плотно облегли стройные ноги, а волосы были распущены по плечам. Кажется, волосы распускают в торжественных случаях...

– Немедленно раздевайся! – скомандовала Рангхиль брату. – А ты, Дагмар, отвернись!

– Зачем? – Тэн Бартолин был настолько поражен происходившим, что никак не мог справиться с мыслями.

– Затем, что я сейчас тоже разденусь! – рявкнула Рангхиль, толкая Дагмара в плечо. – Я сказала: отвернись!

Девушка явно не была настроена выслушивать возражения и вступать в переговоры. Честно говоря, Дагмар не сомневался, что Ранди без тени сомнения разделась бы, даже если бы он не отвернулся. Чтобы добиться своего, она готова на все. А сейчас Рангхиль явно стремилась к какой-то цели.

Дагмар послушно отвернулся лицом к стене и принялся изучать трещины в камне. За спиной, тем временем, шуршали ткани и происходила оживленная беседа.

– Зачем ты вообще это устроила? – орал Роалль.

– Потому что ты сбежал! И тебя не было три дня! Кстати, разве к Бартолинам не доставили приглашения на свадьбу? – не уступала брату Рангхиль.

– Мы были заняты! – парировал Роалль.

– Чем? Медовуху хлебали? До сих пор чувствуется! – фыркнула Ранди.

– Я должен был все обдумать!

– У тебя было время! Ты давно знал, что Олдхамы приедут!

– Это ты все устроила!

– Стой! – Рангхиль, судя по всему, обратилась к служанке: – Оставь волосы распущенными, просто заколи вот этими гребнями. – И снова к брату: – А ты шевелись! Не путайся в штанах, словно в первый раз их видишь! – А теперь уже к Дагмару: – А ты повернись и помоги своему другу!

Дагмар обернулся и замер: «Роалль» превратился в деву сияющей красоты, высокую, стройную и ослепительно прекрасную в ярком платье и с серебряными гребнями в белых волосах, струящихся до талии.

Настоящий же Роалль пытался надеть парадные штаны, даже вполне успешно, оставалось только затянуть шнуровку.

– Может быть, вы объясните, что здесь происходит? – осторожно поинтересовался Дагмар.

– Свадьба! – хором ответили Миккельсены, в их голосах звучало одинаковое нетерпение и раздражение.

– Чья? – неосторожно высказался Дагмар.

– А вот это вопрос сложный, – фыркнула Рангхиль, помогая брату надеть блио. – Одно точно: гости замерли в нетерпении, писец стоит наготове с брачным контрактом, священник читает молитвы, невеста готова... А вот кто с ней пойдет к алтарю...

– В каком смысле? – хором спросили мужчины.

– Если бы ты сейчас не появился, братец, то я бы сама пошла с Этель к алтарю! И вечно горела бы в аду за кощунство над таинством брака! – с невыразимым осуждением в голосе поведала Рангхиль.

– Это ты все устроила! – напомнил Роалль.

– Ты меня вынудил! – парировала Ранди.

– Минуту! – вмешался Дагмар, видя, что разговор пошел по кругу. На мгновение ему показалось, что Ранди и Роалль сейчас вцепятся друг другу в волосы, столь одинаково распущенные и роскошные. – Насколько я понял, кто-то из вас должен поспешить в часовню, чтобы избежать скандала? И, как я вижу, у Роалля для этого сейчас более подходящий наряд.

Рангхиль фыркнула и ткнула брата кулаком в бок. Роалль ответил лишь хмыканьем.

– Если ты сейчас не пойдешь к алтарю – снимай штаны, я пойду! – пригрозила Ранди.

– Ну уж нет! – возмутился Роалль. – Я хочу увидеть невесту хотя бы за мгновение до принесения обетов. Раз уж этого не избежать. В конце концов, это *моя* невеста.

– Хорошо, что ты образумился. – Рангхиль в изнеможении привалилась к грубо отесанным камням стены. – Иди. До принесения обетов тебе еще надо подписать брачный контракт. И ты иди с ним, Дагмар, будешь свидетелем.

– А ты? – Роалль обернулся к сестре, хотя Дагмар изо всех сил тянул его по направлению к часовне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.